Успех переменный

Аширбабаев

Ашир Бабаев

"Успех переменный"

«Автор»
2026

Бабаев А.

"Успех переменный" / А. Бабаев — «Автор», 2026

АннотацияЖизнь Данатара складывается из трудных решений, случайных встреч, потерь и попыток начать всё заново. Детство, армия, любовь к Софии, семейные тайны, измены, смерть близких, эмиграция и возвращение на родину становятся звеньями одной долгой истории, в которой прошлое неизменно вмешивается в настоящее.Это семейный роман о памяти и ответственности, о цене молчания и о поступках, последствия которых могут настигнуть человека спустя десятилетия. Герою предстоит понять, можно ли защитить родных, скрывая от них правду, и возможно ли обрести покой, если важнейшие слова так и не были произнесены.

© Бабаев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава I 7
Глава II 18
Глава III 25
Глава IV 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Ашир Бабаев
"Успех переменный"

От автора

После выхода в свет сборника рассказов «Череда» на онлайн-платформе «Литрес» появились первые отклики. Было отрадно узнать, что издание привлекло внимание: оно не повисло в виртуальном воздухе, его читают. Причем заинтересованность проявляют люди разных возрастов, как, например, в случае с пожилым ученым, оценившим коллекцию историй как «для начала довольно неплохо», или студентом-первокурсником, грозившим непременно взять на вооружение приемы изучения английского, описываемые в главе «Обгон».

Отзывы были разными по существу: наряду с позитивными, объяснимо, была и конструктивная критика, что немаловажно для любого начинающего автора. Возникла обратная связь с читательской аудиторией — это неплохо взбодрило, подбавило уверенности и одновременно подтолкнуло к решению продолжить творческое «изобретательство», благо за плечами уже был мало-мальский опыт публикации.

Итак, появился замысел написать небольшой роман, по стилю отличающийся своей легкостью, оставляя пространство читателю для выводов и одновременно не утомляя его тяжестью размышлений. На удивление, работа над рукописью проходила весьма результативно и была завершена даже раньше, чем я мог предположить, — и статус автора одной книги остался в прошлом. Выбранное название — «Успех переменный» — на мой взгляд, передает атмосферу или главную тему произведения, при этом не раскрывая сюжет полностью. Обе мои книги относятся к жанру легкого чтения; авторство принадлежит одному человеку, поэтому легко прослеживаются аналогии в манере и стиле повествования. Но, в отличие от «Череды», где раскрываются девять историй, никак не связанных между собой, здесь от начала и до конца речь идет о жизненном пути одного человека — что-то вроде микса из срезов, взятых из реальной жизни, и щедрой доли вымысла, характерной для любого художественного «продукта».

В наши дни встречается немало фильмов, да и прозы, где героем выступает эдакий менеджер крупной компании, управляющий банка или должностное лицо из правоохранительных органов. В произведении, что перед вами, главный персонаж из другой социальной среды: здесь основная линия завязана на представителе заурядной рабочей профессии — он обычный сварщик. Перед вами откроется, на мой взгляд, весьма колоритная фигура человека, обладающего своеобразной харизмой и чувством юмора, играющего в гольф в свои почти что семьдесят и при этом способного привлечь к себе внимание представительниц прекрасного пола. В то же время сделать его «круглым отличником», признаться, цели не преследовалось: есть сцены, где он, мягко говоря, проявлял себя не лучшим образом, поступая, возможно, даже не так, как того ожидал читатель.

Описываемые в романе события происходят в наши дни, но местами переносят вас в прошлое, на десятилетия назад — во времена существования Советского Союза. Думаю, читателям постарше будет забавно вспомнить присущие той эпохе жизненные ценности, повседневные настроения и потребности, когда у людей было гораздо больше «живого» общения и абсолютно никаких гаджетов. В стремительный век интернета и бума социальных сетей, думается, молодое поколение читателей тоже не останется равнодушным и найдет немного странными, а порой комичными отдельные эпизоды из прошлого — к примеру, как школьники могли обмениваться прочитанными книжками или как, чтобы сфотографироваться, человеку требовалось пойти в какое-нибудь фотоателье в городе.

Присущая большинству романов атмосфера с «вечными атрибутами» — любовью, изменами, ненавистью, дружбой, неожиданными поворотами судьбы, человеческими переживаниями, внутренними конфликтами, ошибками прошлого и многим другим — привольно разместилась на страницах «Успеха переменного».

Глава I

В здание аэропорта города Сидней, что находится в Австралии, вошел высокий мужчина с поднятой головой, расправленными плечами и прямым взглядом. Его внешний вид напоминал уверенного в себе, даже немного высокомерного конторского служащего на пенсии или, может, бывшего руководителя среднего звена в какой-нибудь крупной компании. Но если присмотреться ближе, обнаружатся руки, совсем не похожие на те, что всю жизнь держали перо или стучали по клавиатуре. Уставшие от многочисленных мелких производственных ран, ладони с отвердевшими от времени мозолями. Местами проглядывали жирные синие вены и следы порезов. В этих руках дрель и молоток были очень уж частыми гостями. Заметные складки в районе глаз и шрам — слегка рассеченная правая бровь — тоже не играли в пользу версии про белого воротничка. Все это путало картину. Еще он при каждом удобном случае улыбался, причем делал это весьма искренне, обнажая идеально ровные зубы, благодаря чему складывалось впечатление, что жизнь у этого человека удалась и судьба его пролегала по гладкой и ровной тропинке. После всех рутинных процедур, требуемых от вылетающего, очутившись в огромном зале, он замер на мгновение, в голове непроизвольно стали возникать рассуждения: «Да, на примере современного аэропорта легко прослеживаются аналогии с природой. Глядя с высоты птичьего полета на воздушную гавань, представляешь себе огромный муравейник, где вместо армии термитов уйма людей, куда-то спешащих и снующих по разным сторонам и уголкам здания. А скопление самолетов вокруг взлетной полосы напоминает обычную стаю перелетных птиц на водопое. Лишний раз убеждаешься, что идеи и изобретения человека в немалой степени заимствованы или, прямо говоря, скопированы у природы». Мужчина прислушался к женскому голосу, сообщающему информацию для пассажиров; ему он показался весьма приятным. Но это поначалу. Впечатления поменялись, причем очень быстро: теперь он стал звучать как-то механически и монотонно, и вроде не такой нежный, каким казался до этого. Ему удалось быстро отыскать нужный сектор с «родственными пассажирами», направляющимися так же, как и он, в Объединенные Арабские Эмираты, дабы вовремя присоединиться к ним, когда наконец объявят посадку. Он решил присмотреть для себя какой-нибудь укромный уголок, где будет безлюдно, никто не будет отвлекать и можно хоть немного, но побыть наедине со своими мыслями. Как ни странно, в этой суете такой «островок» все же нашелся: в отдалении, на обычных спаренных спинками друг к другу сиденьях, какие можно встретить в любом аэровокзальном комплексе мира было почти никого, за исключением одной особы — ее затылок выглядывал из-за спинки кресла, — и еще был один парень на противоположной стороне, который нашел для себя вполне комфортным уснуть, используя спортивную сумку в качестве подушки. Устроившись поудобнее, мужчина достал из бокового кармашка кожаного чемоданчика на колесиках блокнот размером с обычный смартфон, надел оптические очки, висевшие у него на шее, и стал внимательно просматривать свои записи. По уже сложившейся традиции, каждый год, обычно осенью, а иногда зимой, его французский друг Ришар зовет погостить в Дубай на неделю или чуть больше. От приглашаемого нужно только согласовать даты. Конечно же, требуется активное участие в игре в гольф. И это все — нет нужды беспокоиться об отеле и авиабилетах. Ришар с удовольствием берет львиную долю расходов на себя. Из года в год распорядок друзей остается неизменным: все как всегда, целыми днями они проводят время за игрой, а по вечерам после ужина еще и рубятся в шахматы. Положив свою записную книжку обратно, он поднял телескопическую ручку чемодана вверх и, оперевшись на нее двумя руками, стал про себя негодовать: «Результаты вроде есть. Но вот прогресс, конечно, оставляет желать лучшего… Уже пятый год играю. Да, у меня есть оправдание, я могу сослаться на свой возраст, все-таки мне не сорок семь, как Ришару. Притом у того стаж игры чуть ли не в два раза больше моего». Ход его мыслей прервали голоса проходивших

позади подростков с массивными рюкзаками. Они громко что-то обсуждали, сопровождая действия жестами и смехом. Один из них, видимо, целиком погруженный в беседу, нечаянно задел по ходу движения сидевшую спиной пассажирку. Это он понял после произнесенных парнем: «Сорри, мадам. Сорри». Повернув голову, мужчина увидел, как тот «нарушитель» догоняет своих попутчиков. Ответа «потерпевшей стороны» не последовало. Приняла незнакомка извинения или нет, осталось неясным. «Мадам» с явным безразличием к произошедшему, опершись на левый подлокотник кресла, продолжала смотреть в огромное витринное стекло терминала. После того как ребята удалились на большое расстояние, а потом и вовсе исчезли за горизонтом, женщина, поправляя платье, вдруг выпалила весьма отчетливо неприличное слово. Мужчине было известно его толкование: произнесено оно было на русском. Насколько это возможно, не привлекая к себе внимания, распираемый любопытством, он пожелал разглядеть автора. И тут он вдруг обнаружил девушку, которая запомнилась ему еще на регистрации благодаря огромным, можно сказать, человеческого роста чемоданам. Он еще подумал тогда: «Обычно с таким багажом едут семейные пары: отправляясь в отпуск, они вынуждены погрузить все, что только возможно, лишь бы угодить капризам своих детей. Или же ученый с каким-нибудь оборудованием возвращается после проведенной исследовательской работы. Но здесь трудно сделать догадки. Молодая женщина, с немного отекшим лицом, со взглядом, полным отчаяния, абсолютно без какого-либо макияжа и совсем одна. Очевидно, у нее есть проблемы». До вылета оставалось не меньше пары часов; мужчина решил немного взбодриться, его одолевало сонное состояние и усталость, он направился в близлежащее кафе. В таких случаях его всегда выручал стакан свежевыжатого апельсинового сока. Сделав несколько глотков, он в какой-то момент подумал о той соседке, вернее, будет сказать, о ее нервозном состоянии. Ему захотелось проявить сочувствие к человеку. Заказав точно такой же напиток, мужчина направился обратно на свое место. Протягивая через ее плечо пластиковый стаканчик с трубочкой, он вежливо обратился:

— Девушка, пожалуйста, угощайтесь. Это апельсиновый фреш.

— Мне? Зачем? Я…

— Берите, пожалуйста.

— Спасибо. Не надо было беспокоиться. Спасибо.

Несмотря на слова благодарности, начинать общение у женщины не было никакого настроя. Поставив стаканчик рядом с собой на свободное сиденье, она все так же продолжала наблюдать за действиями обслуживающего персонала вокруг огромного лайнера. Ее посетило ощущение дискомфорта перед «джентльменом». Ведь она была уверена, что ее тирада останется незамеченной, потому что была произнесена на незнакомом для окружающих языке. Но тут случилась осечка. Со временем она еще не раз вернется к воспоминаниям, связанным с этим инцидентом, каждый раз меняя свое мнение от «хорошо, что этот казус произошел со мной» до «лучше бы его не было в моей жизни». Что-то среднее было исключено: либо белое, либо черное. Тем не менее это состоялось — знакомство двух разных душ по воле одного случая или, если быть точнее, благодаря одному слову. Хоть и нецензурному. А пока в эти самые минуты женщина терзалась мыслями: «Какой ужас. Эта сволочь такая, ведь знает русский. До вылета уйма времени… И что теперь мне делать? Как мне не встретиться взглядом с ним? Что, вот так сидеть и ждать, пока рак на горе свистнет, что ли? Вот ведь нашла себе головную боль. И зачем я выругалась на того мальчика? Надо было промолчать, тем более он извинился передо мной». «Джентльмен» же после того, как угостил девушку, также не стал проявлять интереса к общению с ней. И, можно сказать, поставил на этом жирную точку. Он написал СМС другу: «Привет, Ришар. Все нормально. Жду вылета. Пожалуйста, встречай». Ришар в это время ехал за рулем и решил, что ему будет удобнее позвонить. Прозвучал до боли знакомый девушке рингтон — это был отрывок композиции Вивальди «Зима». Затем последовал диалог, мужчина с кем-то говорил на французском… «Видимо, решил повыпенд-

риваться передо мной: мол, знаю несколько языков. Ух. Понять бы. Понять бы, о чем идет сейчас речь. Или о ком. Ни одного знакомого слова. Надеюсь, не про меня», — это вызвало у нее очередной виток размышлений о незнакомце. Одолеваемая любопытством, набравшись смелости, она развернулась к нему:

— А вы не знаете, здесь где-нибудь зона для курения имеется?

Он успел уже лицезреть профиль ее лица: прямой нос, заостренный подбородок и миниатюрные сережки. Их блеск и сверкание подсказывали, что они бриллиантовые. Еще он увидел небрежно, наспех сложенные на затылке волосы светло-каштанового цвета. А теперь, можно сказать, глядя в упор, ему предоставилась возможность более отчетливо рассмотреть ее анфас. «Да. Очень симпатичная девушка. Мешки под ее голубыми глазами, конечно же, все портят», — подумал он в этот самый момент.

— Вы знаете, такое место здесь есть. Но там два минуса: далековато отсюда и сильно прокурено, вещи пропахнут табаком.

— Не проблема, перебьюсь как-нибудь. Тем более у меня их и нет с собой. Оставлю эту затею. А меня Лера зовут.

«Да, да, туман рассеивается… Она курит, и еще стало известно ее имя. Не знаю почему, но хотелось бы в салоне самолета сидеть подальше от нее. Боюсь, за четырнадцать часов полета мы узнаем друг о друге многое. А этого мне не нужно. Совсем не нужно», — с опаской подумал мужчина. Тем не менее, соблюдая рамки приличия, коротко представился:

— Данатар.

— Данатар? Впервые слышу такое имя. Судя по отсутствию у вас акцента, я могу предположить, что вы учились в русской школе. А еще парле франсез.

Мужчина улыбнулся:

— Да. Я немного парле франсез. Говорил со своим другом-французом. Так-то у него разговорный русский неплохой, но когда рядом супруга, он обычно общается на родном, чтобы ей тоже было понятно, о чем идет речь. Он обещает встретить в аэропорту. Я периодически навещаю его. Да, а насчет школы — вы правы.

— А здесь по делам? В командировку сюда приехали, наверное?

— Нет, я живу в Сиднее. Больше десяти лет уже.

— Ого, это уже почти местный! Я, например, здесь и половины не прожила — чуть больше двух лет. Можно сказать, не прижилась. Или страна не приняла меня. Кому как угодно.

И тут, совсем неожиданно для Данатара, начался очень подробный монолог Леры. К моменту объявления посадки на рейс Сидней — Дубай немало интересных подробностей из ее жизни в Австралии было раскрыто — и, причем, вполне добровольно. Выяснилось, что девушка из Красноярска познакомилась с австралийским хлопцем через сайт знакомств. Хотя кавалер этот не торопил события и довольствовался на первых порах общением на расстоянии одиннадцати с половиной тысяч километров, Валерия, взяв инициативу в свои руки, решила форсировать события. Настояла на переезде к нему, мотивируя это тем, что они в достаточной мере узнали друг друга за целый год общения по скайпу и теперь пора ей установить личный контакт с его семьей и заключить брак, в конце-то концов. Благо родители девушки без промедления дали на это благословение. Первая часть ее плана была вроде успешно осуществлена — то есть прибытие в Австралию и знакомство с «предками» жениха. А вот что касается дальнейшего исполнения задуманного ею, а именно бракосочетания и свадьбы, жених предпочел поставить это на паузу, о длительности которой было неизвестно. Все это время Валерия жила с ним в его родительском доме, находясь в стране по обычной туристической визе. Со своей прежней супругой жених связи не терял — от нее у него был ребенок. Половину месяца он находился далеко от дома, работая на угольной шахте, инспектором по технике безопасности. А когда возвращался домой, по крайней мере пара дней у него уходила на поездки и встречи со своей дочкой, проживающей в другом городе. Еще один день отводился на зависание в мест-

ном баре с друзьями. Итого выходило чуть больше недели, которую Лера могла провести со своим без пяти минут официальным мужем. За время их совместного проживания она сделала немало открытий для себя, и самое неприятное или даже самое неприемлемое из них — это не совсем угасшая любовь к бывшей супруге и, понятное дело, к своему чаду. Зато конфликтов у Леры с женихом не было и не могло быть: парнем он был очень мирным, вредных привычек за ним она не наблюдала. У них было одно принципиальное различие во взглядах на один вопрос. Жених был категоричен — никаких детей, ни сейчас, ни потом. Львиную долю зарплаты он расходовал на оплату ипотечного кредита за квартиру, которую после развода вынужден был оставить, переехав к своим родителям. Исходя из доброй воли, он еще и щедро тратил на содержание своей бывшей. Понятие «семейный бюджет» у Леры с этим мужчиной априори не могло прижиться. Несмотря на имеющийся набор минусов, она все же не сомневалась, что поступок, связанный с ее приездом сюда, в Австралию, все-таки был верным. Ее мнение было однозначным: здесь намного комфортнее, чем дома. Лера однажды попыталась как-то привнести разнообразие в свою жизнь, немного изменить свой быт: она решила найти себе какую-нибудь подработку. И вроде «золотые руки» при ней, как утверждали ее бывшие соседи по родительскому дому, что, разумеется, добавляло ей немалую долю оптимизма и уверенности, что она непременно отыщет себе достойный заработок. Но был один «подводный камень», о существовании которого она узнала только тогда, когда собралась в кадровое агентство. Глава семейства Генри, будучи человеком принципиальным и законопослушным, считал, что это непозволительная роскошь, если невеста его сына будет трудиться нелегально, а самое ужасное — не платить налоги в стране, где он посвятил работе в налоговой службе сорок лет своей жизни. Таким вот образом вопрос трудоустройства Леры отпал с повестки дня. А мама жениха целиком и полностью была занята кулинарным искусством, вела какой-то блог для молодых мам, связанный с готовкой еды. Если взять статистику общения Леры со своими домочадцами, то на первом месте идет, как ни странно, ее несостоявшаяся теща Мэрион, и только на второй позиции находился ее потенциальный муж. Раз в месяц женщины отправлялись на оптовый рынок за семьдесят километров от их дома за продуктами. Мэрион и Лера около часа проводили на рынке и, наверное, столько же за обедом в уютном кафе рядом. Шел уже третий год, как она стала здесь жить. Однажды Лера случайно услышала часть разговора ее парня со своей бывшей, а именно до нее отчетливо донеслась нелицеприятная фраза: «Мать хочет сделать предложение, от которого она не сможет отказаться. Потерпи чуть-чуть». Кому будет сделан этот заманчивый оффер, ей было несложно догадаться. Она была уверена, что речь идет именно о ней. Тем не менее никакой реакции Валерия проявлять не стала, очевидно, где-то в душе надеялась, полагая, что вдруг не так все поняла. Все шло своим чередом: та же каждодневная рутина, одни и те же лица и неизменное почти что безразличие к ее особе. Со временем к ней пришло понимание, что она прекрасно справляется со своей миссией — вызвать ревность у его бывшей супруги. Хотя в ее ситуации это было сродни выстрелу в свою ногу. Генри как-то за семейным воскресным обедом обратился к Лере с вопросом, более похожим на вежливую рекомендацию.: «Вы давно не виделись со своими родителями. Общение только по телефону. Я тут подумал — может, я оплачу вам дорогу, и вы сможете встретиться со своими родными? Да и подруг навестите в конце-то концов». Эти слова она восприняла довольно спокойно, лишь отшутилась: мол два года или три — это не важно, главное — быть рядом с любимым человеком. Слово «любимым» она произнесла отчетливо, при этом слегка повысив голос и взяв за руку жениха. Продолжения не последовало, и Лера стала подумывать, что тема эта сошла на нет, и ей показалось, что повод для беспокойства исчез. Хотя, памятуя о ненароком услышанных словах жениха, она предполагала, что такая инициатива вроде как должна исходить от его матери, а не от Генри. Через две недели теперь уже Мэрион обратилась к ней, когда они были вдвоем, все с тем же посылом, но уже в более открытой и менее дипломатичной форме: «Наша внучка давно хочет приехать к нам погостить, побыть у нас месяц

или, может, два. Но без мамы сделать этого она не может — все-таки это не два-три дня. А та вроде как согласна., но находиться в одном доме с новой невестой, как ты понимаешь, она не желает. В общем, мы нашли компромиссное решение, которое устроило бы всех, как мне кажется. Мы тебе купим билет, дадим денег на всякие там подарки родителям твоим. Ты съездишь к себе домой, навестишь близких, а потом мы снова вместе с тобой будем, как и раньше, ездить на рынок и пить фруктовый чай с твоим любимым шоколадным бисквитом в том же кафе, рядом с маркетом. Да, а насчет того, когда обратно — мы дополнительно тебе сообщим. В общем, пока не торопись, наслаждайся отдыхом». Валерия в эти секунды вся пылала протестом изнутри. «Ох, знала бы ты, Мэрион, как будут несказанно рады — в кавычках — мои родные внезапному приезду! И не вражда или ненависть между членами семьи тому причина. Со дня моего отъезда много воды утекло: сестра успела развестись и вернулась в отчий дом с двумя детьми, брат со своей беременной женой, ну и плюс родители — и все они ютятся в крошечной двушке с одним туалетом. И куда ты мне прикажешь поселиться? Разве что им на голову?» Но ее возмущение продолжалось недолго. Промолчать навряд ли удастся — Лера легко почувствовала это по вопросительному взгляду Мэрион. От нее требовалось, именно требовалось высказать свое мнение, и ожидали услышать от нее лишь одно — согласие. Лере пришлось все-таки собраться с силами. Она робко поинтересовалась: а жених в курсе этого разговора, и если да, то есть ли у нее время на раздумье? Или, быть может, есть альтернативные варианты какие-нибудь — к примеру, снять временно жилье где-нибудь поблизости, что ли? Но ответ Мэрион был, можно сказать, прямым, как рельс, и твердым, как камень: «Решение уже принято». И таким вот образом Лера сейчас очутилась в сиднейском аэропорту.

— Вы знаете, что еще? — с неким сожалением продолжила Лера. — А, впрочем, ладно. Не буду говорить.

Новый знакомый, с вниманием слушая историю, был удивлен ее откровениями фактически чужому человеку, ведь и часа не прошло с того момента как у них завязалась беседа. Он находил это немного странным. Хоть Данатар и мог внушать своим видом доверие и был способен располагать к себе людей, все же истинная причина крылась в другом. Валерия была уверена, что навряд ли увидится когда-нибудь еще с этим человеком, поэтому опасаться, вроде бы, нечего. На чужбине она не была вовлечена в повседневные житейские дела, характерные для любой семейной пары, что помогло бы хоть как-то отвлечься от личных проблем. Попросту у нее была самая настоящая тоска, обыкновенный внутренний вакуум. Молодая, красивая девушка, отправляясь к жениху, воображала себе совсем другую картину, схожую с семейной идиллией в мелодрамах с хэппи-эндом, а вместо этого ей пришлось испытать за эти пару лет дефицит простого человеческого общения — общения с другом или подругой, что могли бы ее поддержать, с кем она могла бы поделиться наболевшим. Ее родня, видимо, не самый подходящий вариант в ее ситуации.

— Слушайте, Лера. Признаюсь, видел ваш огромный багаж на регистрации. По-моему, вы все вещи забрали с собой. Хоть бы один кроссовок оставили — был бы вам повод вернуться назад.

— У них с деньгами порядок, выслать мои шмотки им не составило бы проблем, да или бросили бы в гараж.

— В любом случае, по-моему, пока нет повода для паники или отчаяния. Может, через пару-тройку месяцев вернетесь в Австралию, и все у вас образуется.

— Нет. Однозначно нет. Если честно, ощущала себя там как пятое колесо в телеге. И вообще, я сомневаюсь, что они меня когда-то пригласят обратно. Была бы твердая позиция у жениха — тогда другое дело, а так — навряд ли.

Данатар, в свою очередь, поинтересовался:

— А вы не пытались связаться с кем-нибудь из русскоязычной диаспоры, завести знакомство с женщинами, приехавшими сюда жить так же, как и вы?

— Был горький опыт… Познакомилась с одной девушкой из СНГ. Она помладше меня, отучилась в здешнем университете и выскочила замуж. Все пыталась учить меня, как жить, говорила, что я неправильно поступала или делала что-то не так, давала советы. Типа надо было брачный контракт заключить и так далее. Но это был взгляд с ее колокольни. Я допускаю, что она где-то была права, но большинство ее «дельных советов» мне не подходили, они не работали в моей ситуации. Я тешила себя мыслью, что вот-вот наладится у меня все и наконец официально выйду замуж. Конечно, со временем и подруги найдутся, думала… А пока вот так.

Из уст Леры затем прозвучала фраза, от которой веяло обидой, и прежде всего на себя, с нотками грусти:

— Как говорится, жизнь не обязана давать нам то, чего мы от нее ожидаем.

Ссылаясь на необходимость, она отлучилась, по всей видимости, чтобы не показывать слезы. Данатар, воспользовавшись возникшей паузой, решил позвонить своей дочери. Несмотря на пятичасовую разницу во времени, он предположил, что она еще не уснула, а вот внуки, скорее всего, уже пошли спать. Хватило пары гудков, как тут же послышалось: «Алло». Складывалось впечатление, что Оливия ожидала звонка отца, сама же нечасто связывалась с ним по телефону. Круг обсуждаемых тем между ними хоть и был разнообразным, тем не менее два вопроса присутствовали в разговоре чуть ли не вечно: «Папа, не нашел ли ты там себе кого-то?» и «Папа, не болеешь ли ты?» Данатар в этот раз постарался упредить ее привычное любопытство, заверив, что он так же холост и со здоровьем у него все в порядке, как говорится, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Он стал живо интересоваться, как у нее дела, какие новости, не забыл и про своих трех внучек спросить. С первых минут их общения Данатар почувствовал приподнятое настроение Оливии: по ее словам, успех ее мужа в бизнесе не за горами: «Вот-вот разбогатеем». Он планирует открыть какой-то мини-завод по производству соков. У зятя это было не первое начинание, и вроде уже был горький опыт предпринимательства: пытался заняться экспортом и прогорел, открывал ресторан — тоже без особого успеха, но извлекать уроки из своих провалов он точно не собирался. Данатар не стал как-то комментировать или высказывать одобрение услышанному, он про себя лишь возмутился: «Зятек никак не может вылечиться от болезни» — болезни, которую Данатар когда-то прозвал «гонкой за миллион». Это когда люди страдают одержимостью во что бы то ни стало заполучить большой куш, легко и сразу, забывая при этом, что на каждого успешного бизнесмена приходятся сотни тысяч, а то и миллионы несостоявшихся, обанкротившихся, потерпевших неудачу предпринимателей. Даже имея на руках стопроцентно выигрышный, великолепный бизнес-план, ни в коем случае нельзя преуменьшать фактор удачи. Без нее никак. Данатар хорошо помнил и нередко повторял в кругу своих знакомых знаменитое изречение Уинстона Черчилля, который, по его мнению, очень точно подметил: «Я предпочитаю не желать здоровья и богатства, а желаю лишь везения. Ведь немало было на „Титанике“ здоровых и богатых, а выжили лишь удачливые».

Прилично задержавшись, вернулась Валерия и продолжила распаковывать тему своей личной жизни, да и ее собеседник был не против поддержать. Одним из немногочисленных бонусов, заработанных в Австралии, по словам Валерии, стал заметно усовершенствованный разговорный английский и еще то, что ей было позволено просыпаться утром, когда захочется. Вероятно, такой режим был для нее роскошью в отчем доме. Постепенно траектория их разговора изменилась: они стали живо обсуждать темы авиации, путешествий и много чего еще. И под конец подошли к проблеме, связанной с клаустрофобией. И тут Лера начала описывать страх — не совсем обычный и вовсе не связанный с транспортом или поездками, — который приносит ей ощутимый душевный разлад.

— Знаю, вы сейчас будете смеяться надо мной, но я все равно вам расскажу. В доме, где я жила, был кинотеатр — добротный, рассчитанный мест на пятнадцать, с такими удобными креслами и огромным экраном. Бывало, мы все вместе — Генри, Мэрион и я с женихом — просматривали какую-нибудь киношку. Во время одного из таких сеансов шел вестерн. Вроде

все было ничего, как вдруг один ковбой (бородатую рожу его хорошо запомнила), он, сволочь такая, так смачно харкнул на землю, прямо как верблюд. А мне от этого вдруг стало противно, аж из комнаты выбежала. Представляете? После этого я заработала самую настоящую фобию. Теперь, когда смотрю фильмы — и уже не важно, какой там жанр, — если вдруг герой или героиня (это не принципиально) плюется в кадре, у меня возникает чувство, что этот плевок попадает мне в лицо или прямо мне на ковер у меня дома. Дальше смотреть картину нету сил. Это вызывает у меня какой-то рвотный рефлекс.

— Лера, а что, если дело в общественном кинотеатре происходит?

Впервые за время их диалога вопрос привел ее к такому громкому, заразительному смеху. Парень, который все это время спал на сиденьях рядом, внезапно поднял голову, чтобы поглядеть, что там происходит.

— Даже не знаю, что сказать. Вот приеду домой, схожу в городе в кинозал какой-нибудь, подберу фильмец соответствующий и тогда скажу вам, как я среагировала. И потом, что беспокоиться о чистоте их пола? Это же не мои апартаменты!

— В мире известно около пятисот видов фобий. Ваш случай будет пятьсот первым.

— А вы слышали о таком утверждении, что космонавтам перед отправкой в космос удаляют гланды, аппендикс и запломбированные зубы?

— Лера, у меня отсутствует и первое, и второе, и с зубами пока порядок, так что я уже готов в космос полететь.

После этого они почти синхронно засмеялись. «Самое время позволить себе маленький комплимент в его адрес. А хотя… не стоит. Комплимент надо заслужить, а я очень жадная на высокие баллы», — на мгновение задумалась Валерия и затем стала вопрошать нового знакомого:

— Данатар, а кем вы работаете? Или работали до выхода на пенсию?

— Работаю в парке Harbour National Park. Я по профессии сварщик, выполняю разного рода ремонт и обслуживание механической части. Откровенно говоря, это не работа — это удовольствие. Стоит один раз посетить этот парк, чем много раз слышать о нем.

— Вы знаете, а я ведь была в Harbour. Там такие виды открываются на гавань и на этот знаменитый мост! Мы там устраивали однажды пикник. Сначала была пешая прогулка через лесок и скалистые участки. Помню, мы шли больше часа, а потом отдыхали у залива. Пожалела, что не взяла с собой купальник — там же пляж еще был.

— Если вы говорите о часовой прогулке, то это, скорее всего, самый известный маршрут от Мэнли до Спит-Бридж. Расстояние около десяти километров. Действительно, там потрясающие виды.

Данатар вдруг вернулся к теме, которая, казалось, была уже закрыта собеседниками. Он неожиданно вспомнил, что не только Валерию настигла такая напасть, как фобия, и стал делиться историей, услышанной от своей дочери Оливии. Когда та устроилась на работу в иностранную компанию, поначалу была удивлена, услышав странное прозвище — Спайдермен: так офисные работники за глаза называли своего финансового менеджера. Отправившись с ним однажды в командировку в Турцию, Оливия на себе ощутила всю тяжесть его недуга, хотя сама им никогда не страдала, о чем с возмущением впоследствии рассказывала своему отцу. У менеджера этого чуть ли не наступало обморочное состояние от нахождения в закрытых пространствах, в частности от пребывания в лифте. Размещение в гостинице оказалось вполне решаемым вопросом: тот попросил на ресепшене комнату на нижних этажах здания. Но вот посещение одного из офисов их партнеров на восемнадцатом этаже утром, а еще и после обеда, по лестнице, которая, кроме как техническим персоналом или пожарными во время эвакуации, больше и не используется, привело Оливию в самый настоящий ужас. Помимо физической нагрузки, девушка, сопровождая своего руководителя, вынуждена была еще и ощущать дискомфорт от своего внешнего вида, учитывая все прелести жаркого месяца.

Наконец к стойке возле выхода к самолету подошли две девушки в униформе, с шелковыми шарфиками бирюзового цвета на шее. Они стали объявлять, пассажиры каких секторов должны пройти на посадку первыми. Валерия тут же обратилась к Данатару:

— У меня «С», мне пока надо ожидать, а у вас какой?

Данатар подтвердил, что у него то же самое. После его слов у нее появилась улыбка — и такая неподдельная, как у студента, открывшего свою зачетную книжку и обнаружившего отметку, которая превышала его ожидания.

— Нам столько лететь. Как время скоротать? Ужас, какой долгий полет. Я, кстати, буду в Дубае еще несколько дней. Моя, вроде бы, свекровь, осведомленная о суровом климате моего родного края, где минус двадцать пять — обычное дело, решила забронировать номер в отеле на пять дней, чтобы я погрелась на солнышке перед отъездом домой в Красноярск.

Самолет находился в воздухе уже больше часа. Валерия получила от Данатара хоть и скупые, но все же ответы; тем не менее до конца утолить любопытство ей не удалось. Она вроде неплохо поладила с этим человеком. «А может, дальше покопаться? Про возраст-то его я уточнила, узнала еще, что он работающий пенсионер». Помимо прочего, ее одолевало какое-то раздражение, связанное с манерами Данатара: «Я не пойму, мужик — агент какой-то секретной службы в отставке, что ли? Такой наблюдательный, опять же про мои чемоданы верно подметил. А когда про его жену и детей спросила… Гад такой, классно так увиливал. Спрашиваю, как в Сиднее очутился или где до этого жил — какие-то оговорочки. Где-то отшучивался, используя общие фразы. Ответы его вообще не понравились. Были сухие, как кость. Видно было, как он наспех сочинил себе профессию — сварщик. Видимо, за дурочку меня принял. Я встречала представителей рабочего класса и хорошо знаю, как они должны выглядеть. Сварщики в том числе. Так дело не пойдет. Нет. Нет, гадать не собираюсь. Продолжу общение с ним. Больше полсуток мне еще здесь пребывать, в этой «консервной банке». Время же надо как-то убить». Она встала с места и направилась в уборную; на обратном пути, намеренно замедлив свой шаг, стала пристально высматривать ряд за рядом сидящих пассажиров, пытаясь найти Данатара. И наконец ей удалось отыскать «пропажу»: Лера увидела знакомую макушку седой головы. Да, это он. Подойдя поближе, она обнаружила, как тот что-то записывал в свой блокнот. Она тут же с улыбкой обратилась к нему:

— Фиксируете, как проходит полет, что ли? Я говорю: отчет о полете составляете?

— А, это вы, Лера? Вы почти угадали. Я имею в виду насчет полета. Только не самолета, а полет мяча для гольфа — golf ball. Перед каждой поездкой к другу я ставлю себе target — цели на игру. В гольфе очень много тонкостей и много статистики. И, конечно же, есть своя философия. Здесь победа над собой важнее победы над противником.

— Мне всегда было так странно, когда по телевизору смотрела, как гольфисты после нанесенного удара все еще продолжают удерживать клюшку в приподнятом положении. Мяч-то уже в воздухе. Не понимаю, для чего это?

— Вы задали очень грамотный вопрос.

— Данатар, какая девочка, такой и вопрос.

Улыбаясь, он продолжил:

— Ударом по мячу называют свинг. Клюшка находится все еще в воздухе, понятное дело, — не для мяча. Он уже в полете. На него уже не действуют ваши манипуляции. Смысл здесь в другом: с одной стороны, это своего рода тест, сумел ли гольфист сохранить баланс и правильно перенести вес с оставленной сзади ноги на переднюю. Поскольку если он шатается после нанесения удара или же падает, то это указывает на его ошибки во время свинга. С другой стороны, если игрок намеревается сразу же после удара опустить клюшку или бросить ее на землю, то он начнет подсознательно замедлять движение перед контактом с мячом. Там есть и другие причины. Лера, а я хотел спросить: вы уже решили, как распорядиться подарком? Я имею в виду…

Не дожидаясь продолжения, Лера перебила его:

— Да я поняла, что вы хотели сказать. Как я собираюсь провести свой краткосрочный отпуск в Дубае. По плану: сначала высплюсь, отдохну как следует от перелета. Все-таки разница во времени.

Выдержав паузу, как-то загадочно глядя ему в глаза, она добавила:

— А вот на следующий день свяжусь с вами, и вы покажете мне все тамошние достопримечательности. Вот такой у меня, как вы говорите, «target». От вас требуется лишь сказать: где и когда?

— Лера, вы будете разочарованы. С выбором гида вы немного промахнулись. Город я совсем не знаю.

— А как насчет вашего друга? Он тоже не помощник в этом деле?

— Ришар? Этот парень неплохо ориентируется, он регулярно находится в Дубае по несколько месяцев в году.

Лера обратила внимание, что, когда они сидели в аэропорту, у Данатара на руке были одни часы, а сейчас как будто другие, и решила поинтересоваться, в чем дело.

— Это RaYaz. Механика.

Данатар снял часы и, указывая на одну из четырех кнопок на корпусе, стал увлеченно рассказывать:

— Вот видите этот pusher? Нажимая на него, я могу изменить фон на циферблате. То есть его половина замещается изображениями, обозначающими сезоны года. Сейчас я поставил картинку зимы. Но вы понимаете, это просто дизайн. Это никак не отражается на работе механизма. Еще к ним прилагается комплект из четырех сменных ремешков, которые совпадают с теми заставками.

— С «котлами» вашими ясненько и понятненько. И экскурсию вы не можете организовать. А как насчет ужина? Не хочу показаться навязчивой, но я впервые в этом городе и никого не знаю. Может, поддержите одинокую туристку?

— О, с ужином не будет проблем. Я готов вам помочь. Как вы относитесь к плову? Я сам родом из Средней Азии, а там это блюдо в приоритете. Занимает лидирующие позиции в рейтинге, можно сказать.

— К плову? Весьма положительно.

— Я знаю одно место, где афганцы готовят изумительный плов. Это подальше от центра, между Дубаем и Шарджой находится. Но это никакой не элитный ресторан, а простая, скромная такая харчевня. Кухня вам понравится.

— Лишь бы было там много мяса. Не курятина или что-то еще.

— С курятиной я и сам особо не дружу. Последние лет пятнадцать не ем. Вычеркнул из своего рациона, так сказать. Вообще.

— А за что вы так с курочкой рябой?

— Я знаком с современными птицефермами не понаслышке. Не вижу сильного отличия между штамповкой каких-нибудь пластиковых деталей на заводе и выращиванием кур. В моей молодости мы употребляли курицу, которая бегала свободно по ферме, и неважно, сколько тысяч их там было. А сейчас — клетка с лампочкой над головой и никакого движения.

— Данатар, вы меня обрадовали. Если сейчас будут давать «чикен», я вашу порцию присвою себе.

Все это время Лера вела общение с Данатаром через голову одной пожилой женщины азиатской внешности, которая была в кресле с краю, а Данатар сидел посредине. Пассажирка была вынуждена слушать их разговор, абсолютно не понимая, о чем они говорят. Очевидно, в какой-то момент она поняла, что это не сиюминутный обмен фразами двух случайно встретившихся знакомых; ей даже показалось, что это такой добротный разговор давно не видевших друг друга друзей. Она дождалась наконец-то паузы, затем тактично, на ломаном английском, с помощью жестов, подобно футбольному рефери во время замены игроков на поле, обрати-

лась к Лере с предложением уступить ей свое место. Лера восприняла инициативу очень даже хорошо, поскольку поддерживать беседу в течение получаса, стоя в узком коридоре самолета в полусогнутом состоянии, ей порядком поднадоело. Валерия незамедлительно повела вежливую мадам за собой, показав свое кресло. Спустя несколько минут она уже сидела рядом с Данатаром. Но та женщина появилась вновь: указывая на полку для багажа, она попросила помочь достать ее ручную кладь — ее рост, в отличие от Леры, не позволял ей это беспрепятственно сделать.

— Данатар, вы вроде ровесники с ней. Может, у нее были виды на вас?

— Да? В таком случае дайте мне пройти. Я пойду к ней.

Собеседница Данатара тихо рассмеялась.

— А французский откуда у вас? Это школа или вы самоучка?

— Это благодаря моей тете Гуле. Ее усилия помогли приобщиться к языку. Свое детство и юность я провел у нее. После работы три раза в неделю она брала частные уроки у одного лингвиста. Однажды, возвращаясь вечером домой, у нее произошел инцидент. Якобы мужчина в темноте пытался отнять у нее сумочку, и она, понятное дело, испугалась и попросила меня впредь сопровождать ее во время визитов к репетитору. И получилось само собой разумеющееся, что я начал учиться вместе с ней, хотя до этого отбивался как мог. И вот «за партой» оказались женщина в районе сорока и мальчик, а перед ними — восьмидесятилетний педагог. Фамилия у нее была такая запоминающаяся — Пита. У нее был какой-то странный метод погружения в язык: переступая порог ее квартиры, ты должен был изъясняться строго на французском. Частенько слушали у нее музыку, даже рисованием занимались порой, но все было связано с французским. В квартире должен был присутствовать только «френч». Вообще, обе женщины были просто безумно увлечены всем французским. Для меня это были адские муки — высиживать полтора часа, слушая двух взрослых тетенек и еще записывая в тетрадь все эти правила и прочее, и прочее. Я, конечно, старался скрывать свое нежелание посещать эти занятия, даже делал вид, что мне интересно. Но им, конечно же, было прекрасно известно про мою маскировку. Она, однажды увидев мою тетрадку, удивилась: «Данатар, почему у вас почерк на русском такой ужасный, а когда вы пишете на французском, у вас получается очень красиво? Вроде пишет один и тот же человек». Однажды, провожая нас с тетей на улице, эта Пита меня пристыдила, ее слова заставили задуматься: «Данатар, перестаньте считать себя ребенком, детство закончилось. Вам сейчас четырнадцать. Вы знаете, кто такой Наполеон? Я один маленький эпизод вам расскажу. В вашем возрасте этот человек уже распутывал серьезные проблемы и решал весьма сложные задачи. Обучаясь в военной гимназии, ему пришлось взять отпуск, чтобы проститься с отцом. Но по приезде он обнаруживает, что после смерти, кроме кучи долгов, усопший ему ничего не оставил. Бонапарт не побоялся взять на себя ответственность, хотя у него и был старший брат. За какие-то две недели он сумел вникнуть в суть дела, привести бумаги в порядок, а главное — погасить все имеющиеся долги. Я понимаю, стать таким, как он, для вас — недосягаемая высота. Этим примером хотела дать понять, что вам пора повзрослеть. И помните: лишь то, что вы разместите сейчас у себя в голове, останется при вас навсегда. А все остальное — я имею в виду вещи всякие, машины и так далее — можно купить, продать и потерять. Но не знания. Учите новый язык, одержите победу над собой. Вы почувствуете, как будет обогащаться ваша жизнь. К вам будут тянуться не только ваши сверстники. Вы, как начитанный, грамотный человек, в любой, абсолютно любой компании будете своим».

— А почему вы не жили с родителями?

— В подростковом возрасте моя мама со своей сестрой решили, что пойдет на пользу смена обстановки. Воспитывался у своей тети, которая жила в другой части города. Сменил школу и друзей тоже. А сейчас, глядя с высоты своих лет, даже затрудняюсь ответить, правильным ли было с их стороны это делать. Намерения, конечно же, хорошие. Других у матери и быть не может. Дело в том, что папа мой был тяжело болен и медленно угасал. Взрослые это

знали, а я, будучи пацаненком, этого не осознавал. К сожалению, бывал в родительском доме нечасто, по воскресеньям, и то не всегда. А мне надо было находиться рядом с родным отцом. Постоянно видеть его. Быть с ним. Побольше беседовать с человеком, который уходит. Лера, прошу прощения за такое отступление.

— Да, все в порядке. Мы никуда с вами не торопимся. У нас еще много тем предстоит обсудить. Куда нам из этой консервной банки на высоте десяти километров? Данатар, а почему вы сказали слово «якобы» до этого, когда рассказывали про инцидент с вашей тетей?

— Да потому, что никакого происшествия на самом деле не было. Спустя годы тетя сама призналась, что выдумала эту историю, чтобы привлечь меня к этим урокам. Поэтому и «якобы». Я ей за это очень благодарен. Да и по жизни знание «френча» меня не раз выручало. Да, от этого была мне только польза.

Красноречиво рассказывая о достоинствах знания иностранного, Данатар немного слукавил. Его призвали в армию. Шел второй год службы. Его тетя, как-то поздравляя Данатара с днем рождения, написала все свои пожелания в письме на французском. Данатар принял вызов и отправил свой ответ на том же языке. Он еще не догадывался, что потревожил «пчелиный улей». Быть может, не «пчелиный», а даже «шмелиный» по своим масштабам. Через два дня его вызвали «на ковер». Для тех, кто служил в советской армии, не будет большим секретом, что письма, отправляемые солдатами домой, обычно проходили цензуру. Обнаружив письмо на «басурманском» языке, ревизору кое-как удалось найти в части знатока. Это был такой же солдат срочной службы, который побоялся или не захотел внести ясность, что это не его профиль: он на «ты» с английским, а здесь «френч». Но тем не менее этот «эксперт по языкам», так, на всякий случай, сделал предположение: «Что-то там есть такое». И тут строгий проверяющий облегченно вздохнул: «Ну вот и моя мечта наконец сбылась. И теперь я тоже получу медаль за то, что обнаружил вражеского агента у нас в строительном батальоне». История закончилась тем, что, сильно сомневаясь в признаниях Данатара, что «это безобидное ответное письмо на поздравление тети», командиры дали ему два варианта выхода из сложившейся ситуации: либо он им докажет, что у него кто-то из родителей является французом, либо они отправляют письмо в штаб дивизии для проверки, и только после того, как убедятся, что там ничего секретного, они смогут его освободить от наказания. А пока — на гауптвахту. Так, на всякий случай. В тот момент, когда он находился под стражей в комнате площадью четыре квадратных метра, насквозь пропитанной запахом хлора, он стал сильно сожалеть, испытывая гнев: «И зачем мне было это нужно? На кой мне сдался французский?» Но это было всего лишь раз в жизни, и сейчас он может вспомнить про это лишь улыбкой.

Глава II

— А долго еще ехать? А то я проголодалась.

— Дорога займет минут сорок или чуть больше. Придется потерпеть.

По правде говоря, аппетит ее особо не беспокоил. У нее уже был поздний завтрак в отеле. У Валерии сейчас великолепное настроение, ощущение какого-то наслаждения. Отчасти это связано с тем, что испарилось ее беспокойство, вызванное предстоящим мини-отпуском. Человек она взрослый, и неважно, каким бы ни был город большим, она без особого затруднения найдет дорогу, если вдруг заблудится. Поэтому опасений на этот счет у нее не было. Ее сложности скрывались в другом: она не представляла себе, отправляясь впервые в страну, как она проведет там свой отдых и совсем одна. Все-таки скучновато, да и непривычно. И тут случайное знакомство с Данатаром, пусть и ровесником ее отца, изменило все в один момент. И, причем, как она считала, в лучшую сторону. Теперь есть с кем пообщаться. И, что немаловажно, с ним ей интересно. Сидя на заднем сиденье такси, ей хотелось поскорее завязать беседу — и не столь важно о чем, просто говорить. И говорить. Что греха таить, от дня прошедшего остались лишь приятные впечатления.

— Данатар, ну что, понравилась вам моя фигура? Вчера в аэропорту я была в платье. Думаю, вы поэтому попросили меня надеть сегодня джинсы перед походом в ресторан. Чтобы лучше разглядеть меня, наверное. Я неплохо разбираюсь в психологии мужчин.

— Нет. Не понравилась.

Он произнес эти слова и тут же попытался через зеркало в салоне подсмотреть ее реакцию.

— Данатар, а вот сейчас было больно. Реально больно, скажу я вам. А в каком это, позвольте спросить вас, месте вы нашли изъян?

— Слушайте, Лера, почему вы спрашиваете мое мнение? Я понимаю, если вы хотите понравиться вашему кавалеру, но я же им не являюсь?

Как и предположил Данатар, меньше чем за час они добрались до ресторана. Обстановка была не совсем привычной для Валерии, поскольку они расположились на топчане с миниатюрными подушками, а не за столом, но все же было уютно. Валерия не пожелала смотреть их меню, а целиком доверилась выбору Данатара как знатока этого заведения. Для Валерии стали настоящим сюрпризом гигантские размеры порций на огромных овальной формы тарелках. Она была уверена, что добрая половина останется нетронутой. Но по прошествии времени, увлеченная разговором, она совсем не заметила, как легко и быстро исчезло блюдо.

— Данатар, огроменное вам спасибо. Мне понравилось. На самом деле я думала, мы это не осилим вдвоем. Даже вставать теперь не хочется. Честное слово. Данатар, вы только не смейтесь, чувствую себя как надутый барабан. И зачем я разогналась так?

— Хорошо это или плохо, но порции у них здесь стандартные, большие, как и в любом ресторане восточной кухни, и просить уменьшить — значит обидеть повара. Лера, вкусно приготовленная еда, кроме получаемого удовольствия, таит в себе и коварство тоже, как вы понимаете.

— Согласна. У меня, к примеру, во время трапезы, если это аппетитные блюда, поднимается настроение и одновременно с этим происходит отказ «внутренних тормозов», если так можно сказать. Перестаю осознавать, что съела достаточно и пора остановиться, происходит стирание границы между поеданием и перееданием. Обычно в таких случаях даю себе обещание больше не допускать такого «провала». И все же очень быстро из моей памяти это улетучивается. И в следующий раз я обязательно наступаю на те же грабли.

На этом месте Данатар громко рассмеялся. Пока он возился со счетом, Валерия успела выйти из ресторана и направилась медленным шагом в сторону такси. «Да. Пока неплохо.

Отпуск мне нравится. Лишь бы не сглазить». При виде Данатара она обратилась к нему с просьбой:

— У меня есть один пункт в моем… В моем… Короче говоря, мне надо совершить одну покупку. И требуется ваша помощь. Там, когда я жила у этих…

Слово «этих» было с умыслом произнесено в уничижительном тоне, подчеркивая лишний раз свое отношение к семье австралийского жениха.

— Что хочу сказать? Я привыкла к их машинке, каждый божий день пила хороший кофе по утрам. И теперь, возвращаясь к себе домой, хотела бы иметь точно такую же в родительском доме. Я запомнила модель и знаю ее примерную стоимость. Там в районе семисот баксов получается. Осталось только приобрести. Надо найти место, где у них продается техника по приемлемым ценам. Онлайн заказать — боюсь времени маловато. Поможете, Данатар?

— Нет. Я против кофемашин.

— Данатар, уже второй «панч» от вас за сегодня. Это чересчур, вам не кажется? Ну-ка, обоснуйте отказ помочь хорошей девочке. В чем причина?

— Вы знаете, в чем разница между кофемашиной и кофеваркой?

— Я могу сказать, что у них общего. У них корень один — «кофе», — заразительно улыбаясь, ответила она.

— Самое главное их отличие — цена. Кофемашина сама мелет зерна, отмеряет порцию и готовит кофе. Но можно купить отдельно кофемолку и кофеварку. Получится дешевле, раз в десять, только часть работы придется делать вручную… Конечно же, приготовление при этом у вас займет чуть больше времени, нежели просто нажать кнопку на аппарате. Но учтите: кофеварка не требует обслуживания, как кофемашина. Никакого сервиса, только самостоятельно промоете пару деталей — и все. Если вы согласны с моим мнением, то я вам организую. Это будет моим подарком. Будете вспоминать про Данатара каждый раз во время вашего утреннего кофепития.

— Экономия — это прекрасно. Я не против. Но тот звук… Звук перемалывания зерен — он мне так нравился, у меня до сих пор стоит в ушах. Такой брутальный. Как работающий трактор. Ладно, будь по-вашему. Остановимся на кофеварке.

Они посетили магазин бытовой техники, Данатар приобрел для нее обещанное. По дороге в отель Лера сделала неожиданное философское отступление, разбавленное нотками горечи:

— Говорят, те, кто по гороскопу Весы, обычно все взвешивают, тщательно оценивают и только потом принимают правильные решения. Хоть это и мой знак, мне это самое взвешивание и расчеты навредили. Помогли не выиграть, а проиграть… Причем с крупным счетом. В школе за мной бегал пацан, которого я всерьез не воспринимала. Он был с веснушками и с кудряшками такой. Даже после выпуска он не терял надежду, просил выйти за него. В какой-то момент я даже подумывала: «А может, дать согласие и под венец?» Но на моем пути встретился другой парень, и постарше, сотрудник банка одного. Ездил на красивой такой машине. Отец его, очень состоятельный мужичок, тогда работал где-то в нефтянке. Как говорят: «Нефть, газ, противогаз». Молодой банкир стал оказывать мне знаки внимания. Я сразу же пацана из школы отбрила, дала понять, что нам не по пути. Как дура, показала ему даже подаренный моим новым ухажером дорогущий сотовый телефон. Тот бедолага просил передумать, можно сказать, умолял меня. А я прикинула: «Допустим, выйду я за тебя и буду жить, как и жила, в такой же жопе. А что мне может дать сын охранника в маркете и домохозяйки?» А у нового парня все выглядело по-взрослому. До моего появления у него уже были романы и варианты с невестами. Но ему понравилось то, что я практически не пользовалась косметикой, минимум всякой там помады и теней.

— Да, я уже это заметил.

— Верно. А что, так и есть. Я не тусовщица. По дискотекам шляться не люблю. Познакомилась я с его родителями, и вроде они одобрили выбор сына. И я пребывала на седьмом небе от счастья. Только вот просили не торопиться: жениху предстояло съездить на полгода на стажировку за границу, и только после этого, они сказали, можно думать о свадьбе. Но до его отъезда с ним случилось страшное. Он погиб. Отдыхал со своими друзьями на озере и утонул. Вроде плавать умел, люди предположили, что у него судороги случились. Понятное дело, у меня депрессия, первое время было тяжело все это принять. Но время, как говорится, лечит. А теперь про того пацана из рабочей семьи, который когда-то просил чуть ли не на коленях, чтобы я стала его супругой. Он теперь айтишник. Рассказывали, вроде разработал какую-то программу и за нее получил цифру с шестью нулями. Причем «зелеными». Обитает в Кремниевой долине и женат. Вы понимаете меня, Данатар.? Под словом «проигрыш» я имела в виду эту ситуацию. Один мой неправильный ход повлек за собой целую череду…

— Лера, я не уверен, что эти понятия применимы к жизни. Выигрыш, проигрыш — это все про бизнес. То, что вы рассказали, — самая настоящая судьба, от которой никуда не денешься; значит, так дано, и гороскоп ваш тут ни при чем. Был у меня знакомый. Не бедный, скажем, человек. Вышел на него благодаря одному заказу. К тому времени Советский Союз уже распался, строительно-монтажное управление, где я трудился, расформировали. А наш прораб, долго не думая, собрал всех моих бывших коллег и создал частный строительный кооператив. И дело завертелось. Правда, меня он к себе не взял, поэтому я какое-то время был в поиске заработка и работал на себя. Но суть не в этом.

— А что так? Почему он вас за бортом оставил?

— Причина была в его личной просьбе. Обидел, по его мнению, женщину одну.

— Получается, «шерше ля фам»?

— Да. Когда пошел к нему устраиваться, он своим отказом дал мне понять, что причина именно в этом. Отказал — да и ладно. На нет и суда нет, как говорится. Но ребята из кооператива все же подкидывали мне небольшие заказы, если это было связано со сварочными работами. Однажды они построили солидный коттедж в поселке, там площадь помещений была почти тысяча квадратных метров. Одних только электрических кабелей уложили почти двадцать километров. Домовладелец серьезно увлекался садоводством, ему как-то привезли элитный сорт винограда — то ли из Франции, то ли из Испании. В общем, пожелал он у себя на участке перед домом сооружение из металла и дерева, которое будет украшено молодым вьющимся виноградом. Требовалось возвести красивую, оригинальную такую полуоткрытую постройку, где его уважаемые гости смогут отдыхать и вести светские беседы. И одновременно это было бы им укрытием от солнечных лучей. Иными словами, нужен был нестандартный дизайн. Я встретился с этим бизнесменом, внимательно выслушал его, и во время разговора у меня спонтанно возникла одна идея. Вот так, вдруг. Сама собой родилась в моей голове. Предложил ему сделать подобие «парящей в воздухе беседки». Огромная пергола без видимых опор — их я планировал замаскировать, разместив на территории его соседей. А еще, по задумке, вся эта постройка на толстых тросах могла опускаться и подниматься. Ну, чтобы можно было собирать урожай. У того, кто впервые увидит это, возникнет впечатление, будто виноградник «повис в воздухе». Тут опыт, накопленный в армии, сказался: я же участвовал в строительстве различных эстакад, небольших мостов через реки. У клиента загорелись глаза. Стал вопрос бюджета. Врать не буду: запросил у него солидную по тем меркам сумму, и он согласился. После этого я начал действовать. Встретился с его соседом по одну сторону участка, уговорил того разрешить установить на его земле громадные опоры — тот взамен попросил денег. Второй сосед был категоричен: «Нет, и все». Я не отчаялся, поговорил с собственником участка с тыльной стороны все с той же просьбой, и тот сказал: «Окей». Правда, поставил условие: кое-что перестроить у него во дворе за мой счет. Получив добро, пошел в проектный институт, где в то время работала моя жена, и заказал там индивидуальный проект и расчет конструкции

моего замысла. После завершения всех работ хозяин был счастлив. Ему все понравилось. Мы даже подружились с этим господином. Не скажу, что часто, но бывал у него в гостях. Познакомился с его пассией. Женщина была гораздо младше него. Очень приятная, приветливая такая особа. Я не знаю, где и как он сколотил свое состояние. Мне он рассказывал, что содержит юношескую футбольную команду на свои деньги. Активно занимался благотворительностью. Делал это своеобразно. После работы он иногда на своем авто заруливал в поселок за городом и высматривал обветшалые домики: с дырявой крышей, где-то со сломанным забором — в общем, где было видно невооруженным глазом, как люди еле-еле концы с концами сводят. Он фиксировал адрес и потом начинал действовать. Для кого-то мог ремонтную бригаду нанять, кому-то купить для хозяйства что-нибудь необходимое. Бывало, деньгами помогал. Старался не афишировать свою деятельность, избегал любой огласки. Зачастую навещал поздно вечером. Однажды вот так принес одинокому старику лекарства. На выходе из крыльца старого дома, оказывается, его поджидал какой-то негодяй. Пырнул ножом, обчистил его лопатник и еще из машины забрал, вроде, какие-то вещи. Так как водителя не было рядом, ушли драгоценные минуты, когда еще был шанс спасти лежащего на земле.

— Нашли ту сволочь? Знакомых его всех дергали, наверное?

— Разумеется, всех подряд, знающих его, и меня в том числе, вызывали. Я объяснил молодому следаку: «Я понимаю, тебе папку с его делом раздуть надо, так сказать, работу показать. Вот объяснительную взял с меня — и, пожалуйста, не дергай меня больше». Как я и предполагал, тот урод был наркоманом. Лера, вы, наверное, думаете про себя: что Данатар этим хотел сказать? По вашей логике, его супруга выиграла, когда выходила замуж за долларового миллионера. А теперь она одна. Ее дети растут без отца. Богатство тут же испарилось благодаря его первой жене и родственникам. Даже дом вдове пришлось оставить. Я разговаривал с шофером, и тот мне поведал, что женщина, у которой была когда-то прислуга в доме, теперь сама работает уборщицей в парикмахерской недалеко от ее нынешнего места проживания. С калькулятором здесь не просчитаешь, где дебет, а где кредит, как выражаются бухгалтеры.

— Выходит, та мадам не была подкована юридически, раз все посеяла после внезапной смерти богатого мужа?

— «Роковое стечение обстоятельств». Может, брак у них был гражданским и оформить развод с бывшей мужик не успел… А возможно, без криминала не обошлось, все-таки девяностые годы. Не исключаю, что могли и припугнуть бедную женщину».

Они подъехали к отелю. Уже на выходе из такси Данатар обратился к Лере:

— Лера, насчет фигуры — это была шутка. Скажу откровенно: все у вас отлично, и нечего вам переживать.

Она молча вышла из машины с шашечками, махнула рукой на прощание. Находясь в фойе отеля, не смогла удержаться и широко заулыбалась. Лера только теперь поняла, почему он советовал ей надеть брюки. Около часа назад они сидели за обедом, чуть ли не полулежа на топчане, и Валерии было бы не очень комфортно в коротком платье, когда вокруг полно мужиков.

На следующий день Лера и Данатар встретились снова, теперь уже в доме у Ришара. Лера при виде двух высоких мужчин ощутила себя как в баскетбольной команде. «Откуда такое сходство? Оба такие длинные, с одинаковой фигурой, правда, возраста разного», — с такими мыслями она принялась рассматривать антураж гостиной, где они ожидали хозяина. Комната была не совсем обычной формы: это не был привычный периметр с четырьмя углами — углов здесь было много; помимо этого выступы с колоннами и арка, посредине стоял черный рояль, рядом — полки с множеством сувениров. Слегка поправив висевшую на стене копию картины Сальвадора Дали «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения», Ришар немного возмутился:

— Опячь эта мадам протирала рамьки. И сделала плокхо. А я терпечь не можу, когда что-то не прямо. — Затем, обращаясь к гостье, улыбнувшись, продолжил: — Ришар.

— Очень приятно, а я Валерия.

— Мне намного больше приятно… Мадам Валери, что вам показвывал вчера этот молодой тчеловьек? Можечь бычь, музей показвывал? Але, можечь бычь, на кончерт вас водил?

Лера прыснула со смеху.

— Вы смеетесь, мадам. А почему так?

— Да просто мне стало смешно, он ведь старше вас лет на сто! А вы его так называете…

— Вы знаече, мадам Валери, паспортни информаци господина меня не интересуют. Он в душе и в жизни отчен и отчен молодой тчеловек. Я его всегда так називаю… Вы обязачельно привыкнече, что я так его називаю.

— Не знаю, не знаю. Мы с Данатаром вчера в ресторане афганском были…

— Понравилось?

— Да. Плов был просто супер. Я не ожидала. Мясо так плавно отходит от кости, буквально тает во рту.

— А вы же знаече, кто главни? Главни… персонаж в плове? Это рис. В вашей бывши стране. Как она називалась — Соьюж? Соьюж Советов?

— Просто СССР. Союз Советских Социалистических Республик.

— Да, да, именно. В этом Союжье был продакт — кхлеб. Он являлся… На английскам это «staple product» называетча, а на русском?

Было очевидно, что Данатар не впервые слушает эту историю про рис от Ришара. Он поспешил внести пояснение:

— Staple product — это основной продукт.

— Да, верно. А в странах Азьи, особенно Юго-восточна Азьи, — это рис. Мадам, вы представляече, какой это важни продакт? На Филиппинах есть даже Международни институт риса. Моя дочь работает в Маниле и рассказивала мне: они дают рекомендачи, помогают странам увеличьит урожай в несколько раз. Это очьен сильна эффект… Если в регионе бивают сильны ветры, они придумывачи… Нет, это слово неправильно я говорил… Молодой тчеловек, другое слово подскажи мне, пожалуста. Ученые не придумываюч, они что делают?

— Изобретают или создают.

— Да. Они создали интересны таки сорт: у него есчь очень низьки така стебель, который перестал сильно гнучьса от ветра и перестал потерячь рисинки, але, наобород, они изобретальи длины стебель, чтобы он смог держать на себе их в большом количествье, где ветри не очень сильны. Вот пример — Индия, там насьелени больше миллиарда. И они обеспечьивают себя рисом и ешче находячса на первом месте в мире по его экспорту. Вы представлячь можьете это?

— Для меня рис — это гарнир к какому-нибудь основному блюду. И все…

— Мадам Валери, а молодой тчеловьек рассказивал вам, как узнал про этот ресторанчик?

По вопросительному взгляду Леры Ришар правильно определил, что ответ отрицательный, после чего начал делиться подробностями их приключения:

— Мы один раз с нашим господином езьдили в Абу-Даби. Да, а обрадно… У меня слудчился accident. Але… на русском это авари. Я по дороге отчень «аккьюратно» ударил автобас. Отчен мелка така авари полутчилась. Пока приехала полици… Потом ждали recovery, чтобы машину транспортировач. А это был моей жены джип. Такой хорошеньки американски автомобиль.

Улыбаясь, он посмотрел на Данатара и продолжил, как бы ожидая, что тот подтвердит.

— Время было обедачь, и мы решили покужат где-нибудь близко. И вот оказалис там. Совсем случайна.

Данатар тоже решил вставить свою «копеечку»:

— Ришар, а почему ты не рассказал, что тебя сильно поругала супруга? Что ты получил выговор от Сеголен в тот раз?

Лера стала громко хохотать, вслух предполагая, что могло вызвать недовольство со стороны его жены.

— Ришар, ну конечно, вам влетит. В следующий раз не будете трогать вещи жены. Тем более машину. Женщины очень ревностно относятся к своим дорогим игрушкам.

— Мадам Валери! Даже если я уронил бы ее автомобиль в пропасч, она ни стала бы меня ругати, поверьче! Там друга причина… Она не разришает мне посьещать фастфуды и всяки разни уличны ресторанчики. Начинает меня ужасно критиковачь. А молодой тчеловьек это ни знал, взял и рассказивал ей про то, как мы с ним обедали. Але он нарочно это делал… чтобы меня поругала любима супруга? Я жену всегда слушаю. Слушаю, что она мне говорит. А иногда даже слушаюсь. Но это — иногда.

После этих слов Ришар стал заразительно смеяться, а за ним и «молодой человек». Раздался телефонный звонок у Данатара; он отлучился из комнаты, чтобы поговорить в более спокойной обстановке. Лера, воспользовавшись отсутствием Данатара, решила расспросить хозяина дома.

— Ришар… Я откровенно признаюсь: для меня ваша дружба с Данатаром — большая загадка. Почему именно с ним вы стали близкими друзьями? Вроде жили и выросли вы в разных странах, и менталитет должен быть у вас разным. Я так понимаю, вы регулярно приглашаете его к себе. Между Австралией и Эмиратами ведь неблизкое расстояние, я имею в виду, билеты опять же недешевые. В чем причина? Я этого искренне понять не могу. Мне безумно интересно.

— Я по происхождьени поляк. Мои родичели после войны эмигрировали во Франци, родился я на их новой родине. Дома моя мама всегда говорила со мной на родном язьике… Поэтому мне было ни так сложно выучичь русски. Это немного похожи все-таки языки. Я ешче в России тоже работал. А вам могу сказачь. Живу во Франци, там оканчивал школу и образовани там полутчил. Женился на Сеголен, у меня есчь две дочери. Старша с мужьем сейчас на Филиппины. Она работает в международна организаци, я вам уже говорил. А младша в Париже учичься. Наша семья редко собираетчся вмесче. Очень проблема организовачи. У жены постояно командировка, живьет на две страни, так можно сказати. Больше тчерез телефон говорим. Но Рождество мы обично все вмесче отметчаем дома в Париже. Так я провожу время со своими дечьми, внуками и зятчем нашим. Делимся новостями разными. Но это длитча не так долго. И потом кажды занят какими-то своими делами. Да это моя семья. Но у нас интересы немного разни. А с Данатаром я могу пячь или шесч часов играчь в гольф. Можьем за игрой в шахматы до ночи бычь. В кафе чай попиваем, говорим много времени. Обсужьдаем разни темы, анекдотами обьязачельно делимся. Вспоминаем какие-то истори, когда я работал в его стране. Мы знакомы с Данатаром много лет. Он никогда мне ни о чем ни просил. Абсолютно нет. У моей жени перво диплом по психологи. Вы понимаетче, это позволяечь ей зинать людей лутче, чем други. Она как-то сказала: «Данатару можно доверичь хранени милиона доларов. Когда вы придете забирачь, там будет ровно таки сума. Сто процентов». Я конечно стараюсь, чтоби мы с ним раз в год обязачелно увиделись. Но вы не думайте, что у меня один таки друг — Данатар и все. У меня ешче есть несколько людей, очень близки для меня, с ними мы дружьим тоже. Так что вот така картина получаетися. Но был у нас перерыв, мы не разговаривали. Но сейчас, к счасчию, все хорошо. Мадам Валери, я расказивал, как есчь. Только не знаю, полутчилось мне объясничь. Или не отчень?

— Да. Понятно, что ничего не понятно.

Ришару понравилось это шуточное выражение. Он даже признался, что постарается запомнить его.

— Ришар, а где вы учились? По специальности кем являетесь?

— Ой посмотриче Валери, наш молодой тчеловьек появилса наконеч. Долго говорил, значит, с какой-то мадам… Да, вот он являечся младжим инжьенером, а я просто инжьенер-химик. Потому что… Он учился в… Учился в лицей…

Данатар, пытаясь симулировать серьезный вид, начал открыто возмущаться, услышав слово «лицей», но скрыть свою улыбку тем не менее ему не удалось:

— Ришар, почему ты обижаешь мое учебное заведение? Я окончил техникум, строительный техникум, а не лицей. Я три года проучился. Это ведь не шутки вам!

— Да, верно говорите, молодой тчеловек, поэтому ви младжи инжьенер. Но это пока. У вас еще есть время доучитиватися. Я правильно говорю, мадам Валери?

— Ой, я думаю, поздновато для Данатара…

— Мадам… Обижать других людей не хотчу, но это мои personal мнени, да. Лично мнени. В мире существуюч всего два диплома. Это диплом инжьенера але диплом доктора, а все остальное вы можьете научитьися по дороге на работу или в магазин. А вот чтоби стать врачом, так не получитьися. Вы должны отучитьися семь или десячь лет в медичинском университетье. Инжьененер тожье — минимум пячь лет.

Данатар незаметно для Ришара, подал знак Лере, подмигнув: мол, не стоит спорить с ним.

— Погодите, а как экономисты, юристы? Или, например, учителя?

— Все эти професи ви можьете… Я хочу сказати, ви можьете получити параллельно с вашим другим занятий, и это ни будет отнимачь у вас много времени. Там только слова и еще раз слова. Вы знаече, каким словом молодой тчеловек називает пустяки? «Валли-вуллю». Мадам Валери, в геометрии или физике не бивает «чуть-чуть право» или «немного лево», там ещть тотчность, ещть растчеты… Вычислени бывают але правильны, але неправильны. Словами не режишь задачи. Без знани этих дисчиплин, эти професи вы не сможьете получить…

— Вот дела. Выходит, я зря училась пять лет? Или у меня диплом, как вы говорите, «валли-вуллю».? Я и ни то и ни се. Как вы говорите, ни инженер и ни врач.

Глава III

Данатар пообещал Лере в день ее отъезда поужинать. Для ее удобства ресторан был выбран там же, где она и проживала. Он появился чуть раньше условленного времени.

«Я, конечно, не знаю, чьей была инициатива — то ли мамы, или папы, или самого жениха Леры, — но это явно они не поскупились, забронировав номер в таком роскошном пятизвездочном отеле для нее», — такой была первая мысль, возникшая у Данатара, как только он попал внутрь просторного лобби, задающего стиль всего здания отеля. Рядом со стойкой ресепшен ему встретились солидные гости, ожидающие заселения и удобно расположившиеся на диванах. Одна из девушек за стойкой быстро сориентировала Данатара, подсказав ему, как пройти в марокканский ресторан. На месте в глаза ему бросилась надпись, установленная над большой ажурной дверью с яркими позолоченными узорами, гласившая: «Raisin». «В переводе с английского raisin означает „изюм“. Да, неплохое название придумали они этому заведению. И звучит вроде оригинально, и запоминается», — отметил про себя Данатар. Гостей встречал парень, одетый в черный костюм и рубашку того же цвета, с короткой ухоженной щетиной, который предельно вежливо спрашивал посетителей перед входом, постояльцы отеля они или же гости, при этом что-то отмечая каждый раз в своем планшете. Данатар предположил, что он марокканец, а это означало, что наверняка владеет французским. Язык этот, хоть и не является государственным в стране, тем не менее используется практически везде. Данатар сразу же решил сыграть на опережение, не дожидаясь его дежурного вопроса. Здороваясь с ним за руку и по-отечески похлопывая малого по плечу, он обратился к тому, используя «френч», будто они знакомы не первый день:

— Дорогой, дорога до вас заняла у меня больше часа. Хотелось бы верить, что не зря потратил время.

Молодой человек, широко улыбаясь, ответил со всей уверенностью:

— Готов поспорить, что господин останется доволен высокой кухней.

— Это хорошо, — ответил Данатар, после чего перешел к своей деликатной теме. — Хочу попросить тебя об одной услуге. Только пусть это останется между нами. Здесь у меня встреча с одной мадам из вашего отеля. Она пригласила меня на ужин. Когда она попросит счет за сегодняшний ужин, укажите только десять процентов от фактической суммы. Остальные девяносто снимите с моей кредитной карты. Вот, держите. Если у мадам возникнут подозрения, почему такая маленькая сумма, вы можете объяснить, например, что сегодня у вас какая-нибудь скидочная акция. День рождения отеля или еще что-то подобное.

При виде новых клиентов мужчина заторопился и уверил Данатара, почти шепотом произнеся:

— Босс, я вас понял. Не беспокойтесь. Это не проблема. Все сделаем, как вы просили.

Поблагодарив, Данатар вернулся в холл и стал дожидаться Валерию.

— Данатар, давайте здесь вот сядем. Я люблю всегда в кафешках сидеть у окна и наблюдать за прохожими снаружи.

— С высоты седьмого этажа, по-моему, самое то это делать.

— Ой, любите вы подкалывать. Я же о привычке своей вам говорю.

Официант принес меню. Оба стали внимательно просматривать ярко оформленный перечень со сложно запоминающимися и в то же время звучными названиями блюд. Данатар своим видом дал понять, что уже решил, что будет заказывать. Гарсон без промедления записал его предпочтения.

— Лера, я уже готов.

— Я это поняла. А что с напитками? Вы должны сказать, что будете пить.

— Из напитков? Я ведь уже сказал… Минеральную воду. Не холодную.

— Данатар, а кроме минералки вы что еще будете? Вино или, может быть, шампанское? Давайте. Я жду. Я полагаюсь на ваш вкус. У меня сегодня хорошее настроение. Пожалуйста, не портьте его своим отказом.

Данатар поддался желанию девушки и попросил обратно меню, быстрым взглядом окинул список на последних страницах и остановился на одном. Лера поинтересовалась названием и была немного шокирована сделанным выбором, но постаралась не подавать вида. Отпустив официанта, Лера затем продолжила:

— Эти несколько дней пролетели для меня как одно мгновение. У нас был физик в школе — Эдуард. Очень интересный мужичок: объясняя ту или иную тему, часто приводил примеры из жизни, использовал афоризмы всякие. Одна врезалась в память. У Альберта Эйнштейна однажды спросили про теорию относительности, и тот простым языком, используя юмор, дал такое разъяснение: «Когда вы сидите с милой девушкой два часа, это может показаться одной минутой. Но если вы сидите на горячей сковороде одну минуту, это покажется вам двумя часами». Так что я хотела этим самым вам, молодой человек, как вас величает Ришар, сказать… Наверное, у вас то же самое было. Ведь вы с хорошим человеком, то бишь со мной, все это время были, поэтому думаю, для вас оно тоже показалось минутами…

Данатару, конечно же, отрадно было слышать, что Лера не пожалела, что провела свой коротенький отпуск в его с другом компании.

— Да, не могу не согласиться с тем, что вы сказали. И цитата Эйнштейна тоже понравилась.

— Конечно. Мы и ужинали, и обедали, и гуляли, и в гостях у Ришара успели побывать. Да. Жалко, что с его супругой не удалось познакомиться. На фотографии я ее видела. Вживую бы хотелось пообщаться с этой… С этой Сеголен, я, по-моему, правильно произнесла? Имя такое интересное… Ришар забавный мужичок. А вот жена его — что за человек, хотелось бы знать? Чем она вообще занимается?

— Она менеджер в одной компании. Они продают вертолеты. Постоянно в разъездах. Очень деловая женщина.

— Получается, не бедная тетенька… Данатар, у меня есть придуманная мною поговорка: «Не в деньгах счастье, а в больших деньгах счастье».

— Но это очень серьезное выражение. Вы оформляйте скорее патент, а то потом не докажете, что авторство принадлежит именно вам. А если серьезно… Что могу вам сказать? Благодаря этой женщине у меня и возникла дружба с Ришаром. Ну, это долго рассказывать.

— Данатар, мы же с вами гости в этом городе. Домашние дела, как вы понимаете, нас не ждут. Спешить нам некуда. Мне только лифт вызвать, а вам у входа такси взять.

Данатар, согласившись с мнением Леры, начал рассказывать, как познакомился с Ришаром. Однажды, работая с бригадой над ремонтом квартиры, он случайно услышал разговор хозяйки о том, что французская компания получила контракт на модернизацию химического комбината с его последующим сервисным обслуживанием и что проект реконструкции в общей сложности займет не один год. Изрядно подустав от разного рода шабашек и поиска новых заказов, Данатар воспринял услышанное как сигнал к действию. Понятное дело, найти координаты фирмы этой особых усилий не требовало: не откладывая на потом, буквально на следующий день он позвонил к ним в офис. «Будет верным начать общение на французском с секретарем, которая, скорее всего, будет из местных», — такой была его первоначальная задумка. Очевидно, девушка на том конце провода знала английский, а с французским у нее было не очень, и, по всей видимости, приняв Данатара за француза, она от волнения соединила его с одним из менеджеров компании. И это был именно Ришар. Данатар коротко рассказал о себе и поинтересовался у того, не требуется ли им профессиональный сварщик на их объекте. Ришар с сожалением признался, что набор уже окончен, но просил оставить у секретаря свой адрес и номер телефона на случай, если возникнет необходимость в таких специалистах. Спу-

стя несколько месяцев, когда Данатар напрочь позабыл про свою попытку трудоустройства, Ришар внезапно напомнил о себе. Его молодой водитель, придя к Данатару домой, вежливо представился и сообщил, что в машине его ожидает начальник, который желает с ним что-то обсудить. Француз, заранее извиняясь за беспокойство, поинтересовался, находится ли он еще в поиске работы и есть ли у него личное авто. И, получив на оба вопроса утвердительный ответ, обратился с предложением оказать ему услугу, понятное дело — не бесплатно. Его супруга Сеголен, большая любительница лошадей, планировала приехать в страну, чтобы посмотреть на месте жеребцов и, возможно, даже обсудить покупку одного из них. Женщина настойчиво просила мужа, чтобы ее сопровождал в поездке человек, знающий французский; по всей видимости, «водила с инглиш» ее не устраивал. Сеголен пробыла в стране около десяти дней; за это время Данатар несколько раз обедал с супругами, бывал у них в гостях на арендуемой квартире, да и в офис к Ришару тоже заглядывал. С этого момента его новые французские знакомые стали поддерживать с ним дружескую связь, которая сохранилась и после завершения проекта и отъезда Ришара на родину.

Рассказ Данатара был внезапно прерван сигналом мобильного телефона Леры, означающим, что батарея разряжена. Извиняясь, девушка встала с места, сказала, что ей надо сходить к себе в номер, и пообещала, что не задержится. Валерия не послушалась Данатара, который посоветовал ей поручить это дело персоналу, у которого наверняка припасены мобильные чарджеры для подобных случаев. Стоило ей покинуть зал, как внезапно появился тот самый молодой марокканец, встретившийся ему у входа в ресторан. Наклонившись слегка вперед над столом, он обратился к Данатару тихим голосом, дабы не привлекать внимание других клиентов:

— Босс, все хорошо у вас?

Услышав причину, по которой девушка внезапно удалилась, он ретировался так же незаметно, как и появился. Валерия в этот самый момент открыла дверь своего номера и, едва поставив телефон заряжаться, бросилась, не снимая обуви, прямо на кровать. Она стала вслух, громко и нервно возмущаться:

— Все мужики одинаковые. Я-то, дура, уже стала подумывать, что встретила редкий экспонат. А это типичный представитель. Представитель… Даже не знаю, как его назвать. Выбрал бутылку за сто восемьдесят пять долларов. Мне же Мэрион дала всего тысячу баксов на расходы. И что теперь? Почти двести из них на это вино, а еще блюда эти… За них тоже приличную сумму мне выкатят. И зачем я только предложила ему ресторан? Бестолковая, еще и сказанула: «Ужин за мой счет». Можно подумать, дочь богача какого-то. А хотя… Да черт с этим всем. Гулять так гулять. Зато будет что вспомнить.

Осознавая, что ее ожидает гость на седьмом этаже, Лера, выплеснув только что всю свою злость «на потолок», все же собралась с мыслями. Она подошла к огромному зеркалу рядом с кроватью, посмотрела на себя спереди, потом сбоку и, немного подправив свое вечернее платье, заставила себя все же улыбнуться. И направилась обратно, туда, где находился ее «обидчик» или, можно выразиться более точно, «транжира». Данатар нашел немного странным то, что она задержалась так долго. «Наверное, у нее живот скрутило, а телефон тут оказался кстати», — предположил он про себя. Чокнувшись бокалами, после очередного глотка Лера подметила хороший вкус Данатара.

— Да, телефон мой древний, батарея быстро садится. А я смотрю, вам никто не звонит. Никто не беспокоит. Кстати, а где ваш телефон?

— Раз в неделю, по четвергам, я его отключаю. Вообще не использую. Понимаете, Лера, в последнее время люди стали сильно привязаны к мобильнику и уже не представляют себе жизни без сотовой связи. Я, в целях, так сказать, профилактики, завел такую традицию у себя: один день обхожусь без него. Стабильно. Никаких разговоров по нему в этот день.

— Да? Данатар, это же цивилизация, и никуда от нее не денешься. Странно так… Ладно. Так, на чем мы остановились? Блин, позабыла, о чем мы говорили до этого. Ай, неважно.

Данатар, а я стала понемногу привыкать к вам. Даже не знаю, что теперь делать? Многое о вас узнала. И о себе успела тоже немало «разболтать». А что, если…

Лера в этот момент загадочно улыбнулась, на секунду замолчала и затем продолжила:

— А что, если мне не ехать домой, а опять вернуться в Сидней? Возьму и перееду жить к вам. А люди… Да пусть что хотят, то и думают. Плевала я на мнение других. Разница в возрасте… И прочая всякая дребедень. Весь багаж, как вам известно, у меня с собой. Как там было сказано у древних греков? «Все свое ношу с собой ношу».

— Лера… Я могу ошибаться, но, по-моему, это выражение подразумевало другое. Не материальное, а, скорее всего, древние греки имели в виду знания, опыт и ум…

— И это тоже при мне. А как вам все-таки мое предложение?

— Лера, есть такое выражение: «Я достиг того возраста, когда отказ женщины радует больше, чем ее согласие».

Шуточное выражение их заметно развеселило.

— Откровенно говоря, мне лестно это слышать. От такой красивой мадам — и такое предложение… А вы можете назвать хотя бы две причины, чтобы я согласился с вашей, так сказать, инициативой?

Лера говорила без серьезных намерений, ни о каких высоких чувствах речи не шло. Банально ей было интересно узнать реакцию мужчины. А быть может, в какой-то степени — поднять настроение собеседнику напротив, предвидя его восторженную реакцию. Но вот его ответ не слишком пришелся ко двору. Его уверенность неожиданно задела Валерию. Ей показалось, что Данатар принял ее шутливое предложение слишком серьезно, и она решила немного сбить с него спесь.

— Данатар… Давайте будем говорить с вами как друзья. И чтобы не осталось обиды, когда мы разъедемся по разным уголкам нашей планеты. Ходите с такой размеренной походкой, широким шагом… Вы… Вы напоминаете мне какого-то отставного офицера. И седина ваша, я бы сказала, к месту… И ваш шарм мне импонирует, и…

Валерия тут замолчала. Она увлажнила палец в стакане с водой и начала медленно, и с небольшим давлением, водить им по ободку своего пустого бокала, создавая «поющий» звук.

— Люблю этот звон. Да, кстати, и одеваетесь неплохо. Знание языков — опять же плюсик к вашему образу. Но у всего перечисленного есть и обратная сторона. Вы сами признались, что семьдесят не за горами. Как ни крути, а это все-таки не пятьдесят, а уже прилично за шестьдесят. Паспорт, как говорится, не обманешь. Очередь из девочек, желающих подружиться с мужчиной в таком возрасте, вам не грозит. Навряд ли вам предоставит судьба такой шанс, как сейчас.

Данатар стал громко смеяться, его глаза заблестели. Лера недоуменно смотрела на него, не понимая, что он нашел в ее словах такого смешного. Этой реакции она явно не ждала. С другой стороны, это позволило ей удостовериться в том, что «укол» ее не был воспринят с обидой. И это тоже неплохо.

— Дорогая Лера, вы правильно подметили, в мои годы крутить романы — не самый подходящий момент в жизни. О своем здоровье впору позаботиться. Но мне по жизни хватает общения с прекрасным полом, какого-то недостатка не ощущаю. Глядя в зеркало каждый день, я встречаюсь с человеком, которому пока шестьдесят шесть. Не больше и не меньше. Насчет «одеваетесь неплохо»: из гардероба, что вы видите на мне, самое молодое — это моя белая рубашка. Ей не меньше пяти лет, правда, редко ее ношу. А вот мой клубный пиджак Rihsaba — тому, наверное, в два раза больше. Часы на руке — то же самое.

Лера тут вставила ремарку касаемо темы одежды:

— Представляете? А мой брат ненавидит белые сорочки, говорит: «Прошел час, и ворот уже будто носил ее неделю».

На слова Леры Данатар отреагировал снова с широкой улыбкой. Она лишь развела руками перед ним, проявляя любопытство, пытаясь уточнить, что на этот раз забавного он нашел. В чем же суть?

— Лера, вы сказали, что требуется час, чтобы воротник белой рубашки испачкать. А мой опыт показывает, что можно и за меньший срок это сделать. Правда, при помощи оппонента. Я когда-то, много-много лет назад, не смог поприсутствовать на своем последнем звонке. Вышел из дома, собираясь в школу на праздник, как вдруг в подъезде меня облил чернилами пацан один. Я попытался увернуться, но не вышло, часть ворота стала сине-голубой. Что я хочу сказать? Не прошло и пяти минут после выхода из дома, как моя белая накрахмаленная сорочка была испорчена.

Теперь засмеялись оба. Данатар затем продолжил:

— Это был соперник. Да, самый что ни на есть «соперник». Ему, как и мне, нравилась одна и та же девочка, и он решил меня наказать. Таким вот способом. Я, к сожалению, пропустил самое важное мероприятие в школьной жизни, но зато был оригинален. Я оказался единственным таким из всех выпускников школы в тот год. Я думаю, случаев таких найдется немного. Да, вот так все и произошло. Как сейчас помню, на воротнике этой китайской рубашки было название фабрики, написано русскими буквами — «Дружба». Вы вряд ли это знаете, а те, кто постарше, могут вспомнить про вещи производства этого предприятия.

— Ничего себе. Какой злой мальчишка оказался. Видимо, был сильно влюблен в ту девочку? Данатар, а как вы отомстили?

— Должен вам сказать, это не помогло ему. Все равно на ней женился я, а не он. А насчет мести? За него заступился, если так можно выразиться, военкомат. Пока отыскал его адрес, прошло несколько дней. Его к этому времени уже забрали в армию. Он был старше меня. Видимо, прямо перед сборами захотел совершить акт возмездия.

Данатар не стал рассказывать, что из-за испорченной рубашки пропустил не только последний звонок, но и подготовленный семьей сюрприз. Его мать впервые за долгое время пришла в школу вместе с младшими дочерьми и, не увидев сына, решила, будто тот снова связался с дурной компанией, отчего испытала резкую смену настроения и легкий нервный срыв.

— Лера, представляете? Однажды, спустя, наверное, лет тридцать, если не больше, я случайно встретил этого человека.

— И что вы сделали с этим «художником»? Блин, так интересно…

— Я как-то выезжаю с заправки… Мужик один, примерно моего возраста, машет рукой, просит остановиться. Он был в форме летчика, на таком солидном джипе. Ничего не понимаю: что от меня хотят? А оказалось, это тот самый «любитель синих чернил». Он-то меня узнал, а я его нет. Напомнил мне про тот случай с белой рубашкой, и нам стало смешно. Мне было по-настоящему весело вспомнить все это. Поверьте, никакой злости. Между делом я ему сказал, что супруги моей уже нет… Он, конечно, был в шоке, сначала молчал, потом откровенно признался, что в какой-то степени добился успеха благодаря Софии. Так звали мою жену… По его откровениям я сделал вывод, что все эти годы им двигало в том числе и желание доказать ей, что она ошиблась с выбором жениха. Он окончил институт гражданской авиации, летал на тот момент на международных авиалиниях. Мне показалось, что, увидев меня, он захотел похвастаться своими успехами. Возможно, надеялся, что я расскажу о них Софии и она пожалеет о своем выборе. Но получилось, что он опоздал.

Лера тут решила вернуться к своему вопросу:

— Данатар… Я по поводу возвращения в Сидней. Молодая женщина. Симпатичная. Не наркоманка какая-то. Да, был у нее опыт неудачного брака… Тем не менее предлагает составить вам компанию.

— Лера… А я же задал вопрос касательно вашего предложения. И он пока еще висит в воздухе без ответа.

Она тут же парировала:

— Да, я помню. Вы сказали назвать вам хотя бы две причины. Я скажу про одну. Всего-навсего одну. Поверьте, у вас не займет много времени. Вы в меня влюбитесь. И причем «по уши». И причина не в том, что у меня завышенная самооценка. Просто я трезво смотрю на вещи.

— Лера, чтобы вас полюбили, заведите собачку. И будет вам любовь. И такая настоящая, преданная.

Лера разразилась смехом.

Упоминание о любви неожиданно выбило Данатара из равновесия. Он почувствовал тревогу и спрятал под столом задрожавшие руки. Стал напряженно мыслить: «Любовь. Какая любовь? На эту тему я не говорил целую вечность. Да, было дело когда-то. Настоящие чувства были к Софии, а теперь ее нет. А значит? А значит, вопрос оставляем закрытым. Навсегда. Не хотелось бы возвращаться к этому. Ни в коем разе».

Скрыть внезапную метаморфозу в настроении Данатару не удалось, Лера догадалась, что тема про любовь напомнила ему о какой-то незаживающей ране.

— Данатар, а вам не страшно жить одному, фактически в чужой стране? Десяток с лишним лет и всегда один. Я прошу прощения, конечно. Всякое может быть, а вдруг, не дай бог, сердце остановилось, и все? А рядом никого из близких. От слова совсем.

— Лера, есть такая картина, называется «Всюду жизнь». Не могу вам сказать, кто ее написал, не помню, но ее название очень мощное, даже, я бы сказал, кричащее. Жаль, что телефон ваш в номере, а то сейчас бы загуглили, кто был автором.

— Да? Я о такой не слыхала.

Тут Валерия махнула рукой официанту. Пригласив его, она попросила одолжить ей личный телефон на минуточку, объяснив, что ей нужно уточнить в интернете одну информацию. Тот вежливо согласился, вынимая гаджет из кармана.

— Погодите-ка. Сейчас. Да, вот есть такое. «Всюду жизнь» — картина Николая Александровича Ярошенко, написана в 1888 году. Изображены люди в каком-то зеленом вагоне.

— Да, это именно она. Лера, «Всюду жизнь», и неважно, где вы сейчас находитесь. Я вот столкнулся с серьезной ситуацией, когда заболел ковидом. По телевизору все время крутили самые настоящие ужасы: эти кадры со страшной статистикой смертности от этой болезни… К докторам обращаться не стал. Закрылся в своем трейлере, ключ на веревочке повесил снаружи у окна, на столе оставил листочек с координатами дочери — так, на всякий случай… Пролежал пять или шесть дней, точно не вспомню. Находился практически без движения, температуру не мерил: я знал, что она очень высокая, временами бредил. Все это время — без еды, пил только кипяченую воду и принимал таблетки аспирина. Пару раз попытался съесть лапшу быстрого приготовления, и то чуть-чуть. Помню, в самый критический момент сказал себе: «Жить мне или умереть — решает Всевышний, а не ковид». И вот спустя где-то недельку мне показалось, что мой иммунитет все-таки смог одолеть болезнь. Стало полегче. Медленно начал приходить в себя и восстанавливаться. Взвесился. Увидел наглядно, как потерял не один килограмм. Лера… Что вам сказать… Дела у меня приведены в порядок, долгов за мной не числится. Из ценного, что у меня было, — это двухэтажный каменный дом, который со всем имуществом я оставил дочери с зятем там у себя на родине. И больше ничего. И приехал сюда, в Австралию, чтобы не добра наживать, как говорится, а просто пожить. Ни от чего нельзя быть полностью застрахованным. Неизбежна только смерть. Каждый день рад, если узнаю что-то новое. Стараюсь смотреть на любые перемены с позитивной точки зрения.

— Да… Это жизнь. Бывает, себя пилишь, что не успел то сказать, не успел это сделать. Я имею в виду человека, которого уже нет рядом. Который уже там, на небесах…

Было уже поздно. Они провели в ресторане, затем в холле отеля за чашкой чая в общей сложности несколько часов. Лера, провожая Данатара до такси, крепко обняла его и обратилась к нему приглушенным таким голосом:

— Данатар, мы навряд ли увидимся с вами еще.

— Кто знает. Кто знает.

Она вложила в карман его пиджака маленький листок, где был указан номер ее домашнего телефона, сопроводив словами:

— А это — если надумаете связаться со мной. Сама я этого делать не буду. Прощайте, Данатар. И спасибо вам за все.

Вернувшись в номер отеля, она про себя тут подумала: «А как удачно вышло с выбором ресторана! Попала под скидочную акцию. Блин, так приятно».

В самолете Валерии не удалось сразу уснуть, как она намеревалась изначально сделать, не помогло и то, что она всю прошлую ночь не спала после того, как проводила Данатара. «Три места по обеим сторонам и четыре в середине, итого — десять кресел в каждом ряду. Так много. А как было в том самолете, на котором я прилетела из Сиднея в Дубай? Наверное, так же. Хотя не могу точно сказать», — с мыслями у Валерии происходил какой-то сумбур. Она начала напрягать свою память, пытаясь вспомнить расположение кресел на том самолете. «Этот, я вижу на буклете, написано — Airbus, а тот был, по-моему, Boeing, или нет? Во всем Данатар виноват. Разговорились с ним, и я отвлеклась от всего, и не заметила, как прошел длительный перелет. Забавный он, конечно же, мужик». А еще Валерия восстановила один эпизод из беседы с Ришаром. Который откровенно признался. «У него был не отчень кхороший периуд. Наверное, тчетыре але пячь лет это било. Мы с ним не разговаривали. Мне видно било, что тчеловек не желаит говоричь, и я не хотел его беспокоичь. Однажды он интересовался, нет ли у нас ваканси в компани. Я понимаю, он хотел полносчю поменячь эту среду. И вот, когда меня сделали менеджером на строительство завода в Австрали, я, конечно, предложил ему работу на нашьем объекче. Молодой тчеловек сразу согласился. Мы закончили работу, а Данатар захотел остачься, чтобы дальше жить там. Он нашел себе другую работу. Я, конечно, бил рад».

Глава IV

Не по слухам осведомленные о «подвигах» своего бывшего ученика и его судимости в том числе, учителя открыто высказывали недовольство в адрес Агашки. Учителя требовали, чтобы тот не появлялся в их учебном заведении. Никогда. По их мнению, ничему хорошему он не научит младшее поколение. Пацан он был невысокого роста, плотненького телосложения, с крупным носом, за что и получил прозвище Ворона. По этой причине слово это было среди его окружения под запретом; навряд ли у ребят со двора, с кем он общался, хватило бы дерзости произнести вслух это в его присутствии. Даже невинный рассказ с участием данного представителя фауны мог быть расценен им как пародия или насмешка над ним и в результате иметь последствия в виде ощутимых побоев. Агашка слыл парнем очень духовитым и дерзким, обладал тяжеленным ударом правой. Данатару хватило одного раза, чтобы понять всю мощь его кулака, когда он лишь по касательной получил в грудь, пытаясь разнять потасовку Агашки со взрослым мужиком с их района. Некоторые из его многочисленных приблатненных фраз дворовые пацаны повторяли за ним, частенько употребляя их в своей повседневной речи у себя в школе. Тем не менее, было бы ошибкой утверждать, что он для них — кумир. Таким он точно для них никогда не являлся.

Что греха таить: во дворе играть было намного комфортнее без него, но признавать это вслух, конечно же, никто не осмеливался. При нем атмосфера, как правило, была напряженная. Подростки побаивались сделать какие-то ошибки или сказать что-то лишнее. Редко, но все-таки случалось и такое, что кто-то мог ослушаться его приказаний, поскольку отдельные его поручения были глупыми, даже порой абсурдными. Но меры воздействия были всегда суровыми для любого, кто осмеливался игнорировать или даже перечить ему. Данатару довелось своими глазами видеть, как тот однажды жестко наказал одного бедолагу, отправив его к местному цирюльнику постричься наголо, под бритву, и предупредив, что будет намного хуже, если тот попытается уклониться. И тот вынужден был подчиниться, появившись где-то через час с небольшим во дворе и сверкая своей лысиной в холодном феврале. Словарный запас Агашки был миниатюрным. К тому же произношение некоторых слов ему почему-то давалось нелегко: допустим, вместо слова «хоккей», он говорил «хоххей», или вместо «говно» у него получалось «гомно». А юмор отличался специфичностью и зачастую был не совсем понятен окружающим. Как, к примеру, одна из его историй, очень смешная, по мнению Агашки, которую он со смаком рассказывал, и причем не один раз: как-то его знакомый пацан на спор лег между рельсами перед самым проездом локомотива с грузовыми вагонами. Когда состав миновал, смельчак не торопился подниматься с места — оказалось, что его штаны были мокрые от пережитого страха, а бедняге не хотелось это показывать. Слушая подобные истории, Данатар и остальные заставляли себя смеяться, хотя смешными они порой для него не выглядели. Несмотря на грозные повеления администрации школы, Агашка все же изредка наведывался в свою бывшую альма-матер. В тот раз ему понадобилась помощь Данатара в его очередном «мутном деле». Ему удалось незаметно во время уроков прошмыгнуть внутрь здания школы и отыскать класс, где у Данатара проходил урок. Агашке повезло: дверь кабинета физики была открыта настежь. Пройдя мимо, он развернулся и стал подавать знаки сидевшему рядом с выходом ученику, пытаясь шепотом объяснить, что ему нужен Данатар. Школьника, к которому сперва обратился Агашка, звали Игорь Столяров. Тот сделал вид, что не понимает, о чем его просит человек снаружи, одним словом, показывая свое безразличие. Агашка был настойчив, упорно требуя вызвать Данатара. Наконец другой одноклассник, сидевший за партой позади Игоря, кивая Агашке, вызвался помочь; он украдкой передал записку Данатару, что его ожидает друг во дворе. Прочитав ее, Данатар немедля отпросился выйти из класса якобы по нужде, прекрасно понимая, что, если Агашка пришел к нему, то вернуться на занятия сегодня ему уже не

удастся. Данатар подкрался к окну на первом этаже, чтобы учитель физики его не обнаружил, и попросил одного из одноклассников, сидевшего за последней партой, взять его портфель с собой и принести обратно в школу завтра. В этот день Данатар вернулся домой уже затемно. На вопрос матери, где сумка, объяснил: мол, собирали металлолом с классом, и поэтому ему пришлось оставить ее в классе. Вроде история эта обыденная — ученик сбежал с уроков, подумаешь, с кем не бывает. Но в случае Данатара она имела продолжение с последствиями. Спустя несколько дней Агашка при очередной встрече с Данатаром неожиданно вспомнил про свой недавний визит в школу и начал открыто выражать недовольство в его адрес, хотя мог высказать свои претензии в тот же день, не откладывая на потом.

— Дантес, скажи, ты себя считаешь путевым пацаном?

— Агашка, я не могу говорить за себя, пусть ребята за меня скажут.

— Ответ правильный держишь, братишка. Знаю, пацан ты от души. И про мафон, который угнали, тоже по курсам. Ты не сдулся. Я вот только не понял: что за бес там сидел у двери на уроке в тот день? Смотрю, он тебя вообще не уважает. Я ему говорю: «Дантеса позови», а он, чертила, отвернулся. Надо тебе с ним поговорить, чтобы в следующий раз правильно себя вел.

— Да это Столяр. Он недавно перевелся в нашу школу, еще не знает, что к чему.

— Самовар он или кочегар — мне плевать. Пусть не ошибается в нашу сторону.

— Я поговорю с ним. Да у чувака мать в милиции работает.

После этих слов Агашка аж встрепенулся и, жестикулируя, продолжил:

— Оппа… Дантес, вот расклад ты мне сейчас выдал. Это получается, если у него матушка в ментуре, то он может срать нам на голову, или мы должны танцевать перед ним? Так, что ли?

— Нет, Агашка, я не так хотел сказать. Просто я не договорил. Видел его мать в форме, когда она привела его в сентябре к нам в класс. Одна большая звездочка на погонах у нее была.

— Получается, она майор. Ладно, ты давай на тормоза не прыгай, а то смотрю — заменжевался ты. Сегодня этот на тебя плюет в классе, завтра другой. Так дела не пойдут, Дантес.

— Агашка, мне никто в классе лишнего ничего сказать не может. Я с ним разберусь.

— Завтра я загляну к вам после уроков, ты его потяни на задний двор. Посмотрю, как ты с ним будешь разбираться.

Столяров был спортсменом, активно занимался греблей. Такой здоровый в плечах пацан, слабаком в классе он не считался. Все попытки «наезда» одноклассников на новичка были им на корню устранены, поскольку за себя он мог постоять. Но избежать «награды» в виде прозвища ему не удалось. Некоторые за глаза стали называть, а кто-то напрямую в классе обращался к нему не иначе как «Столяр». Он был примерно одного роста с Данатаром; они оба держались друг от друга на расстоянии, обменивались лишь «сухими» приветствиями. Данатар, послушав настоятельную рекомендацию Агашки, на следующий день вызвал Игоря после занятий на разговор, и тот без особого беспокойства или видимого страха пришел на встречу на заднем дворе школы, где, кроме Данатара его поджидал еще и Агашка, который сидел в этот момент на корточках. Он, таким тихим и спокойным голосом глядя искоса снизу вверх на Игоря, стал открыто предъявлять свои претензии, предупреждая того, что, если еще раз такое повторится, он об этом сильно пожалеет. Реакция Столяра была неожиданной, даже в какой-то мере грубоватой:

— Пошел ты. Буду я твои команды выполнять! Я тебе не шестерка какая-нибудь на побегушках.

Данатару стало жаль Игоря: он уже представлял, чем обернется такая дерзость. Зная характер и повадки Агашки, он безошибочно представил себе сценарий последующих действий. От этих слов ни один мускул на лице Агашки не дрогнул. Он лишь с ухмылкой посмотрел на Данатара, как бы своим взглядом подчеркивая: «Вот тебе доказательство». Данатар понимал, что за такие слова должны непременно последовать санкции, и он чуть ли не на лету подскочил к Столярову и дал тому пощечину. Приняв вызов, Столяров молниеносно нанес

ответный удар кулаком, который пришелся в левый глаз Данатара. Для «закрепления» своего преимущества Игорь сделал еще один. Данатар попытался увернуться, но все же получил ощутимо по касательной в ухо — аж звон стоял в ушах. Тут Данатар, не растерявшись и не желая отдавать инициативу, молниеносно, неожиданно для Игоря, пригнувшись, схватил того за талию и, напрягая все свои силы, резко приподнял вверх и тут же бросил вниз. От такого неожиданного поворота Игорь, потеряв равновесие, плюхнулся прямо головой о землю и вдогонку схлопотал от Данатара сильный удар по ребрам и в челюсть. Игорь сумел подняться, но стоял согнувшись, придерживая ушибленный бок. Наблюдая с довольным видом за происходящей схваткой, зачинщик конфликта Агашка, вставая с корточек потребовал от Данатара поддать тому еще.

— Агашка, ему хватит уже. Если встанет — я уложу его опять на землю.

Данатар посчитал, что его миссия выполнена: одноклассник получил сполна за оскорбление и теперь сделает нужные выводы. Он принялся заправлять рубашку и обнаружил оторванную пуговицу. И тут раздался хлопок. Подняв голову, он увидел, что Агашка нанес Столярову удар ногой. Очевидно, он метился в лицо, но тот нашел в себе силы и успел все же увернуться, хотя и получил в грудь. Данатар в сердцах обратился:

— Да зачем? Я и сам мог бы. Он уже никакой же. Что лежачего долбить?

После такого побоища Игорю с трудом удалось доковылять до своего дома. По дороге у него было достаточно времени подобрать какую-нибудь легенду для родителей: допустим, неудачно упал, играя в футбол на физкультуре, или на уроке труда споткнулся и ударился о станок. Но сердобольный школьник из младшего класса, очевидно сосед Игоря, наблюдавший за всем этим со стороны, опасаясь за его состояние, сбегал к тому домой и успел рассказать его бабушке, как все было, еще до прихода «раненого бойца». Поэтому, обнаружив у подъезда своих родителей, которые обычно в это время должны быть на работе, Игорь все понял. Они в курсе. Все его «изобретения», объясняющие рассеченную губу, сломанный зуб и рану на голове, теперь не имеют смысла. На следующее утро в кабинете директора школы состоялся обстоятельный разговор. Майор милиции внимательно посмотрела на Данатара: она легко обнаружила заживающую рану на его ухе и заметное покраснение левого глаза. О чем-то задумавшись, после секундной паузы, повышая голос, она строго предупредила мать Данатара, что за содеянное ее сыном его в обязательном порядке поставят на учет в детскую комнату милиции. Еще она потребовала от Данатара назвать имя того человека, с кем он избивал ее сына. Почти одновременно присутствовавшие Игорь и Данатар ответили, что третьего не было, что это был «честный поединок», но слова того мальчугана из младшего класса оказались весомее. Женщина в форме осталась недовольной. У нее было одно желание в этот момент — причинить такую же боль стоящему рядом подростку, как это сделали с ее ребенком. Директора школы все это возмутило не меньше, настрой у нее был серьезный. Поскольку это было не первое ЧП с участием Данатара, помимо административных санкций, она настоятельно порекомендовала его матери: «Через месяц учебный год заканчивается, Данатар может доучиться, а после каникул он волен идти на все четыре стороны. Ни о каком продолжении учебы в нашей школе и речи быть не может». Но самое обидное ждало Данатара дома. Отец с большим разочарованием высказал свое мнение по поводу случившегося:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.